18+

Савелий Баргер

НЕПРИДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ И РАССКАЗИКИ

Рассказы. Миниатюры

Савелий Баргер

Непридуманные рассказы и рассказики. Рассказы. Миниатюры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24050736
ISBN 9785448513008

Аннотация

Эти рассказы, сказки и миниатюры читаются на одном дыхании. Все рассказы написаны остроумно, с блеском, но в то же время заставляют думать и сострадать героям. В каждом живые описания мыслей, чувств, ощущений, разноплановость. В гармоничной пропорции перетекают одно в другое юмористические и леденяще серьезные сцены, глубокая интересная история и картинные описания. Иногда книгу приходится откладывать в сторону, чтобы перевести дух и осмыслить прочитанное. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Рассказы про Семёна Петровича 7
Рог 7
Колодец 9
Совесть 12
Душа 14
Семён, не моги! 17
Одиночество 19
Мудрецы из Хелма 20
Поговорить с умным 21
Свернуть 22
Повидло в карамельке 25
Не пробуй трефное! 28
Слишком тяжёлая кара! 31
Может, всё-таки развод? 33
И зачем мне сухой зонт? 34
Она не думает ни о чём 36
Это не отразится на твоём уме сейчас 38
Не хочу ослепнуть 39
Их гоб дих либ! 41
Шейка из страуса 44
И что у Ротшильда на ужин? 45
Принимать таким, как есть 47
Папа, я видел генерала! 49

Какую фамилию носит этот Эдмон? 51
Дура-внучка 52
Почему зима – не лето 54
Сколько чая выпивает Высотский 56
Шикса 57
Спорщики 59
Страхи 61
Кот 63
Счастливая трубка 65
Миньян праведников 67
Выкрест 72
Мужья-праведники 75
Зачем Ноах взял комаров в ковчег 77
И это тоже пройдёт 79
Счастье 82
Страх 83
Две головы у мужчин 85
Развод 90
Шлимазл 92
Мазаль 95
Их не так жалко 98
Академики в Хелме 102
Отдай деньги, Аарон! 106
Неправильные деньги 110
Мусульмане в Хелме 113
Шадхен Шлёма 117

Непридуманные рассказы и рассказики
Рассказы. Миниатюры

Савелий Баргер

Иллюстратор Наталья Шангина

© Савелий Баргер, 2017
© Наталья Шангина, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-1300-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы про Семёна Петровича

Рог

У Семёна Петровича вырос рог. Добро бы выросли густые ветвистые рога, как у оленя! Единственный рог вырос кривым, закрученным направо, прямо над правой залысиной. Ну, если бы прямо на лбу, прямой и красивый, как у Единорога! Всё-таки мифология и всё такое прочее…

Первой под подозрение попала жена, всё-таки 17 лет вместе. Разговор с пристрастием результата не дал, кроме расцарапанной щеки и шишки на лбу у Семёна Петровича, перед разговором жена стряпала пирожки с рисом и яйцами и держала в руках скалку. Семен Петрович поблагодарил Судьбу, что жена не готовила свиные отбивные перед разговором, держа в руках кухонный молоток, и активно исполнил супружеский долг, которым манкировал уже длительное время, перебиваясь мимолётными встречами с сослуживицей Клавдией, которая любила шоколадные конфеты «Грильяж», от которых у Сёмы были изжоги и развивался (он был уверен!) гастрит.

Пришлось купить шляпу, что пробило брешь в семейном бюджете и вызвало истерический смех у жены и ироническую улыбку у Клавдии: «Ты в шляпе прямо как Д'Артаньян,

Семён!» Семён Петрович подумал, что если рог будет расти, ему придётся покупать сомбреро и он будет похож на Чунчу-барабанщика из старого художественного кино.

По ночам рог чесался, будя мысли и бессонницу. «Пантокрину из него наделать, что ли?!», но весной рог не захотел отваливаться, всё-таки не маралий. Семён Петрович посмотрел телепередачу, что-то про животных. В передаче рассказывалось про исчезающих от браконьеров африканских носорогов и ценности для народной медицины Востока носорожьих рогов. Пришлось пойти в хозяйственный магазин, где был куплен рашпиль. «Как хорошо, что с кальцием у меня порядок», – счастливо улыбался в тисках Семён Петрович, пока жена елозила ему рашпилем по лбу. К реализации опилок пристроли Сёмину тёщу и рассчитывают года за три выплатить ипотеку и отдать долг соседу Вайнштоку, задолбал уже напоминать!

Колодец

Семен Петрович посадил дерево, построил дом и вырастил сына. Вообще-то, вырастил он не сына, а дочь, точнее, растила её бывшая жена Семена. Вместо дома у него была небольшая квартирка, которую он не строил, а успел получить у государства. Деревьев, правду сказать, была целая роща, но и вырублено Семеном Петровичем деревьев было немало, дров он наломал в молодости и в зрелом возрасте достаточно. Есть что вспомнить на пенсии, есть! Досадная обязанность просиживать на службе штаны не очень тяготила Семена Петровича. Что трудного в перекладывании бумаг справа налево, а потом наоборот – слева направо? Ну, иногда бумаги поступали сверху и на них надо было отвечать, а для этого бумаги спускались вниз и приходилось ждать на них ответы.

Приходилось ездить по утрам на работу. Семен Петрович привычно вышел из дома, чтобы пройтись пять минут до метро, дальше его ждала поездка с двумя пересадками. Толпа спешила, толкалась. Двери вестибюля станции упрямились, но поддавались напору. Турникеты привычно отсчитывали поездки, иногда щелкая своими клыками. Перрон станции был плотно заставлен людьми с одной стороны, идущие в центр поезда плотно утрамбовывались, челюсти дверей безжалостно щелкали плечи застрявших в проеме.

Подошел поезд из центра, в вагоне вольно сидели шестеро и Семен Петрович неожиданно шагнул внутрь. Через пять остановок «… конечная! Просьба освободить вагоны, поезд дальше не идет.»

Остановка автобусов рядом с метро, всем ехать в центр, пустые салоны заполняются мгновенно. А через дорогу железнодорожная платформа, туда Семен Петрович и направился. Подошедший вагон электрички оказался пустым, в него и шагнул. Пару часов Семен Петрович наблюдал наступающий за окном рассвет. Звонок мобильного попытался вернуть его в действительность, но телефон был решительно выключен и Семен Петрович вышел на пустую платформу.

«Дочка звонит только поздравить с днем рождения, даже денег никогда не попросит, встретиться не предлагает, в гости не пригласит. Чёрта ли мне в посаженных деревьях, лесник я, что ли? Добро бы фруктовый сад, а то ведь сажал только тополя и березки. Все сажали и я сажал, что люди – то и я. Дом… квартира… Волком выть вечерами, в выходные и праздники. Соседи не зайдут и соль попросить. Черти их видели, соседей, а я и не знаю, кто такие.»

Семен Петрович устал уже два или три часа шагать вдоль проселка, дорога пошла вдоль единственной разбитрй улицы заброшенной деревни – десяток дворов и только из трубы одного дома шел дым. Во дворе женщина развешивала выстиранное белье.

– Можно у вас чуть-чуть обогреться? И пить хочется.

Внимательно всего осмотрела.

– Обогреться – только дрова наколоть надо, печка скоро прогорит. И воды я не успела набрать, а колодец через два дома. Принесете?

Березовые чурбаки кололись на удивление легко, а принести пару ведер воды из скрипучего колодца – что проще?

Совесть

У Семёна Петровича не было совести, совсем. Ему жена часто говорила:

– Совсем у тебя, Семён, совести нет! Ты опять посуду за собой не помыл и у тебя есть другая женщина.

А другая женщина Семёну Петровичу тоже:

– Совсем у тебя, Семён, совести нет. Когда уже ты со своей мымрой разведешься? Я от тебя, Семён, ребеночка родить хочу!

Начальник Семёну Петровичу замечание делает:

– Вы, – говорит, – Семён Петрович, опять на работу опоздали и проект вовремя не сдали. Вы, – говорит, – Семён Петрович совесть потеряли. Из-за вас, Семён Петрович, весь отдел без премии остается!

– Петрович, у тебя совесть есть? Ты когда долг отдавать собираешься? – сослуживец в обеденный перерыв спрашивает.

Идет Семён Петрович по торговым рядам, картошку-моркошку покупает, чтобы жена ему борщи-солянки всю неделю варила. Стоит в торговом ряду пожилой мелкий мужчина в серенькой кепке-плевке, перед ним ряд баночек и на каждой фломастером написано «Совест».

– Чо за фигня? – спросил Петрович мужчинку.

– Кому фигня, а кому не хватает. Кто-то потерял, кто-то запачкал, у кого-то совесть заболела. Разное бывает. Бери, раз спросил, что это – тебе нужда есть.

Подумал Семён Петрович и отвалил мужичку половину своей небольшой премии.

– Ты это, сразу всю не глотай, прими в три приема в течение дня. Если сразу всю употребить – заболеть можно.

– А она годная? – только и спросил Петров, перед тем, как положить совесть в пакет с конфетами.

«Седых волос нажил вокруг проплешины, а ума не случилось,» – переживал Семён Петрович. «То она ноет, то спать не дает, ворочаешься всю ночь. С женой-мымрой разошелся, а другая женщина сама ушла. Сказала, что она не кухарка и не посудомойка, а про ребенка это было просто так, минутная слабость. На работе хватаюсь за каждый проект и тяну всю группу, как вол. Где, интересно, совесть у начальника, когда он премии распределяет? До смешного – в метро место уступаю старикам и женщинам, эта дрянь как зуд в заднице – усидеть не дает! Купил себе развлечений. И этот хрыч, что подсудобил мне совесть в торговых рядах, с каким бы удовольствием я ему фофанов бы надавал! Не приходит, гад, больше на рынок!

Душа

– Здравствуйте! Я по объявлению в «Всё для вас». Продаете душу? Удобно вам встретиться на «Бауманской»? Не беспокойтесь, я вас узнаю.

Семён Петрович взволновался немного. «Ну что ж… Встречусь, поговорим. Чем не шутит этот… пока лучше не загадывать.» Прошло уже две недели, как он написал в газету бесплатных объявлений и указал свой телефон. «Можно будет сказать, что это юмор. А с другой стороны – может и не юмор!»

На платформе метро к Семёну Петровичу подошел молодой мужчина в черных джинсах, серой ветровке и синей бейсболке.«Рога прячет! А серой совсем не пахнет. Хотя, при современных дезодорантах…» Поднялись наверх и расположились в пустынной в ранний час кафешке, незнакомец заказал себе кофе, Семён Петрович чуть поколебался и попросил официанта принести рюмку водки.

– Сколько вы хотите?

– Дешево смысла нет… Три лимона, я считаю – в самый раз, – ответ был быстрым, видно, что сумма была продумана и много раз подсчитана. – Три миллиона будет в самый раз. А позвольте полюбопытствовать, почему вы один? Где же ваши э-э-э… спутники?

– Какие спутники? А… Начитались, понимаешь, Булгако-

ва. Или вы Гёте предпочитаете? Вы наверняка у меня искали рожки, копыта и принюхивались, не пахну ли я серой. Детские глупости, скажу я вам!

В образовавшейся паузе незнакомец прихлебывал свой кофе, а Семён Петрович заказал себе еще одну водку.

– Ну что, три миллиона рублей – достойная цена за приличный товар. Но за приличный. Скажите, вы святой? Праведник? Вас зовут Иоанн Кронштадский? Вы оцениваете свою душу достаточно высоко.

– Вы знаете, уважаемый, я все-таки продаю не антикварный столик или однушку в Подмосковье, а бессмертную, с позволения сказать, душу. Заметьте, мою душу! Позвольте поинтересоваться, ваша цена? Что вы предлагаете?

– Да ничего я не предлагаю. Почему-то все желают продать, получив деньгами или выговорить нечто особенное – успех у женщин, вечную молодость, жизненных сил…

– Деньги. И только наличными, – угрюмо заметил Семён Петрович и заказал еще водки.

– Милейший, у вас достаточно потрепанный товар. Разве что хорошо проспиртованный, но откровенно сказать, на качество сие не влияет. Бессмертие – оно бессмертие и есть.

Но бросим пустопорожнее. Что вы все-таки имеете предложить? Вы обладаете уникальными душевными свойствами? Вы талант в музыке, литературе? Пишите стихи? Может быть вы непризнанный научный гений? Что-то я сомневаюсь.

– Ну, гением я себя не считаю, как и совершенным дурнем. А что, вас интересуют только таланты и гении?

– Вы представить себе не можете, сколько народа желает продать. А оно разве того стоит? В подавляющем числе случаев решительно нет. К чему платить за то, что все равно будет твоим? А вот уникальный талант, душа святого или праведника, гений, решивший трудную научную задачу…

– Например?

– Вы конечно слышали про Паганини. Или вот Марк Шагал.

– Значит, слухи про Николо Паганини – вовсе не слухи…

– Нет, не слухи. Вы думаете, стать скрипачом-виртуозом такого уровня – это кот начхал

Семён Петрович вспоминал. Были в воспоминаниях и стыренный в магазинчике пакет с конфетами, правда, было это в далеком детстве. Вспомнил Сеня и Ларису, которой обещал жениться, да так и не выбрал для этого времени. А как он бежал по ночному городу, оставив Сережку Шмелева одного против компании гопников?! И почему-то привязалась в воспоминаниях не отданная Петровичу пятихатка, взятая в тяжелый момент на опохмел.

– Вернее всего, мне следует снять свое предложение о продаже, – голос у Семёна Петровича стал особенно тусклым…

Семён, не моги!

Семён Петрович стоял перед дверью, на которой висела надпись «Посторонним вход». Семён Петрович знал, что надпись не может висеть. Надпись должна быть крепко прибита сильными гвоздями к табличке. И нечего её заляпывать мелом и гипсом, чтобы «воспрещен» смутно проглядывала через слои. Семён Петрович не знал, чем «воспрещен» отличается от «запрещен», надпись не проглядывала и не читалась. Она вообще не могла читать сама себя.

Семён Петрович вошел в надпись, открыв для этого дверь. «Если вход воспрещен», могли бы закрыть на ключ», – успокоил себя Семён Петрович.

За надписью «Посторонним вход» была надпись «Не влезай-убьет» и Семён Петрович тут же стал влезать. Он давно хотел убить хулигана Морозова, который давным-давно подло разбил ему нос. Семён Петрович влезал и думал:– «Убьет или убью – это мы посмотрим. Сколько лет прошло, я стал сильнее, посмотрим-посмотрим!»

Семён Петрович уже совсем влез и оказался под стрелой, прямо под табличкой «Не стой под стрелой!» Семён Петрович содрогнулся, увидев стрелу – толстую, острую, тяжелую. Стрела застряла прямо в яблочке. «Это стрела Телля, а яблоко стояло на голове его сына. Если бы ЭТО яблоко упало на голову Ньютона, вряд ли он открыл бы закон своего тяго-

тения, он скорее бы в Бедлам отправился.

Семёну Петровичу надоело блуждать под всеми этими «Посторонним запрещен», «Не стой» и «Не влезай-убьет» и он отправился домой. «Хотя бы там я могу спокойно поковырять в носу, громко рыгнуть и не менять носки. Только там я могу закусывать водку пригоршней квашеной капусты из чана и съесть рыбу ножом», – гордо подумал Семён Петрович и услышал ехидное «Ну-ну!»

Одиночество

Семён Петрович привычно пришёл после работы в пустую квартиру. Жена Людмила часто стала уезжать в командировки вместе с соседом и сослуживцем Мовсесяном. Надо бы поговорить, расставить точки над ё, но квартира, мебель, дача под Тверью вязали путами и делали язык ватным.

Семён Петрович не стал доставать салат «Столичный» из пластиковой коробочки, и так сойдёт, поставил разогреваться суп харчо в СВЧ и положил перед собой томик Пастернака. Вчера был Мандельштам, позавчера Бродский. Завтра Семён Петрович планировал замахнуться на Бодлера. Людмила не любила поэзию, а согласитесь, читать поэтов Серебряного века под Стаса Михайлова неуютно. Семён Петрович поставил диск: Сарасате, Глюк, Дебюсси, и начал ужинать. Портвейн белый красного камня, к нему бы шевре и горгонзоллу, не Костромской и копчёный плавленный, но тем не менее…

Страница за страницей, трек за треком, рюмки бежали своей чередой. Семён Петрович все больше уставал от Пастернака, но на Стаса Михайлова не согласился бы ни за какие коврижки! Чуть шатаясь, он подошёл к музыкальному центру и поставил диск с Лепсом. А впереди ждал своей очереди «Лесоповал».

Мудрецы из Хелма

Поговорить с умным

В корчме у Соломона Гросса, что стоит на самой окраине Хелма, вечерами шумно, накурено, народу – не протолкнешься. Кто стоит, Соломон? Ай, бросьте! Корчма стоит у дороги на Люблин уже много лет, а Соломону вечером стоять некогда – тому принеси бигос, другому подай борщок с ушками, пива налей, бутыль бимбора открой, прими, забери, будешь стоять – пенензы как раз мимо кармана будут сыпаться.

Свернуть

Кто собирается вечерами у Соломона? А все и собираются. Балагулы, напоив коней и засыпав им торбу овса могут наконец-то за целый день съесть кусок пирога и выпить стакан «Выборовой»? Шадхен из Люблина должен где-то переговорить с шадхеном из Собибора? У одного товар – перезрелая невеста, у другого купец – фрайер без грошика за душой, глядишь и сладится, а шадхены принесут своим детишкам по леденчику, а их женам будет из чего приготовить субботний чолнт).

А торговцы разным товаром, что ездят по вескам с весны до поздней осени, продавая всякую всячину, от иголок для примусов до румян для девичьих щечек, неужели за целый день они не могут съесть тарелку горячей похлебки? Ну а если заедет в Хелм важная птица – коммивояжер из самого Люблина со своими целлулоидными воротничками, манжетами или, не знаю, образцами мануфактуры или, прости господи, женскими трусиками, такому гостю Соломон и скатерть на стол постелет и жареную гусиную ножку предложит.

Как раз такой гость и заехал вечером во двор к Соломону. И хоть был он одет в приличную пиджачную тройку, а но ногах у него блестели начищенные штиблеты, а не сапоги, закрученные пейсы, шляпа с широкими полями и кисточки арбакантеса, выглядывавшие из-под жилета, выдавали в нем

хасида. Заказал себе горячий ужин, бутылку вишневого спотыкача и потребовал шахматы. Шахматы – так шахматы, нашлась у Соломона доска с фигурами. Обычно в корчме если и играли, то в трик-трак, а чаще в карты – в храп или в буру по грошику. А этот гусь (я про гостя, не про птицу, которую приготовила Двойра, жена Соломона), этот гусь съел ужин, закурил сигару, расставил фигуры на доске. Кстати, рассказать вам про гуся, как его готовила Двойра? Ойц, это песня, это сказка из Агады, как Двойра готовила гуся! Сначала она его ощипывала, шейка угуся отрезалась, чтобы потом начинить ее жиром и луком, печенку Двойра удаляла, чтобы пожарить ее своему Соломончику…

Наверное, вы хочете слушать про что делал новый посетитель у Соломона, а не слушать про как жарится гусиная печенка и варится гусиная шейка? Напомните мне, я расскажу вам про как жарить гуся в другой раз. А незнакомец, закурив, сделал ход белыми, перевернул доску к себе черными фигурами, выпил рюмочку спотыкача и сходил черными. Интересно, кто ему заплатит за выигранную партию?! С другой стороны, если сам с собой играешь, то и проиграть не обидно!

Балагулы, что после рабочего дня отдыхали за бутылкой выборовой неподалеку от залетного гостя, посмотрели-посмотрели на этот цирк: хочется меншу сходить с ума в одиночестве – его дело! Однако же Исаак Блех таки надумал подойти к незнакомцу. Ицик Блех был такой мужчина – ему

не надо было лазить в свой карман за словом, когда разгорался жаркий спор и стесняться Исаак Блех никогда не стеснялся, говоря: «Что я, у мачехи, что ли рос?!» Так что Исаак подумал, что это делается непорядок, если еврей сидит и играет сам с собой в шахматы, когда рядом есть еще евреи, с которыми можно перекинуться словом-другим и обменяться новостями о здоровье реб Ротшильда и реб Бродского.

– Зай гезунд, адони! Пусть пан будет здоровым! В Хелм майн хаар10 приехал по делу или завернули по пути в Варшаву или в Вену? Что у реб незнакомца нет родственников или знакомых в нашем Хелме, то понятно даже младенцу – с чего бы ему целый вечер в одиночестве протирать доску фигурками? Можно вас пригласить к нам за стол?

– Спасибо за приглашение, зай гезунд! Вы знаете, я так люблю поговорить с умным человеком, поэтому лучше я останусь здесь один и буду говорить сам с собой.

Повидло в карамельке

Маленький домик хелмского рабби на окраине города редко пустовал. Да, дети выросли из разъехались – два сына уже служили раввинами, один в Литве, недалеко от Ковно, другой в Польше, на Волыни. Младшему ещё учиться и учиться в ешиботе. Двух дочек раввин вырастил и удачно выдал замуж, теперь Голда пишет ему письма аж из Америки, а Ента уехала с мужем в Палестину. Далеко, конечно, мать сильно скучает, да и отцу грустно. Ну, дай Б-г, всё у них будет хорошо, а что далеко – так лишь бы знать, что все живы-здоровы. Евреи их Хелма и других местечек приходят в ребе спросить совета, помочь растолковать сложное место из Талмуда. А шойхеты-резники?! За ними ведь нужен глаз да глаз: как наточены ножи, вырезана ли жила из задней ноги у коровы, достаточно ли соли положили, чтобы удалить всю кровь из гуся.

Раввин сидел в комнате, читал Раши, ребецн хлопотала на кухне. Вместе с ребе в комнате был ещё Йосл, так тот читал трактат Маймонида, хотя ребе и его жена догадывались, что пришел Йоси с рассчетом зачитаться Рамбамом до часа, когда придёт пора сесть за стол обедать и его не обнесут тарелкой куриного бульона с менделах. Дом хелмского ребе открыт всякому еврею и пришел к нему Мендель-Гирш. Чем занимается Мендель-Гирш? А чем придется. Немнож-

ко тем, чуть-чуть другим, там крошку, здесь грошик – глядишь, можно уже покупать новые галоши, потому что старые уже совсем прохудились. Летом и зимой ещё туда-сюда. а вот весной и особенно осенью – никуда! Купит Мендель-Гирш новые калоши, а вот на новые брюки уже не хватает, придётся ещё в старых повертеться. Перелицевать? Подрезать бахрому снизу? Да куда их перелицовывать, два раза уже «лицо» меняли! А бахрома столько раз подрезалась, что брюки снизу заканчиваются на щиколотках, не подрезать же их до колена?!

– Ребе, вы знаете, ребе, – начал Мендель-Гирш, как только зашел, – я уже понял, в чём соль жизни! И для этого мне было достаточно прочитать великого Баруха Спинозу и книгу Спенсера.

Рабби и Йосл оторвались от своих книг и вместе уставились на вошедшего.

– Трёх вещей я пока ещё не понял, и я зашёл к вам сперва поделиться, а попутно спросить вас этих трёх вопросов. Почему зелёное не квадратное? Зачем Б-г создал такую мерзкую тварь, как муха? И как в конфеты-подушечка, их ещё называют «Дунькина радость», запихивают повидло?

Хелмский ребе задумчиво пролистал несколько страниц Раши, вздохнув, встал из своего кресла, взял Менделе-Гирша за локоть и вывел его на крыльцо своего маленького дома. Мендель-Гирш нисколько не сопротивлялся, ожидая мудрых ответов ребе. На крыльце раввин отпустил локоть гостя

и неожиданно поддал ему ногой в то место, на котором тот сидел, когда обедал и которое не давало ему спокойно жить. Как хорошо, что крыльцо у ребе было невысокое, а прямо перед крыльцом была хорошая мягкая грязь.

Не пробуй трефное!

Гирш Малкин вошел в маленький домик хелмского ребе с «лицом девятого аба». Казалось, что пожар Храма и казнь рабби Акивы произошли на его глазах и это случилось только что. Ребецн посмотрела на Гирша, грустно вздохнула, поставила на стол еще одну тарелку и стала думать, чем она завтра накормит мужа (она хотела оставить порцию кугла на следующий день, но теперь её придется предложить гостю, а кто в Хелме не знает аппетит Гирша Малкина?! Хороший аппетит, ничегр не скажешь, как только жена Гирша с ним справляется.)

– Горе мне, ребе, ой какое горе! – начал стенать Гирш, ловко орудуя вилкой в тарелке со своей порцией кугла. – Я никак не могу поверить в нашего Б-га!

– А в какого Б-га ты «да» веришь, Гиршеле? – терпеливо спросил гостя ребе, не удивившись, потому что и не такие признания приходилрсь ему выслушивать в своем доме.

– Нет, упаси Г-дь, я не стал христианином, не стал магометанин. Я бы хотел поверить в нашего, но вот всё никак…

– Расскажи подробностей, Гиршеле, – ласково попросил раввин и приготовился слушать.

Надо сказать, что Гирш Малкин был такой а-идише коп, что просто пальчики поцеловать. Бывало, еще в хедере, спросит меламед перечислить всех судей Израиля, кто упо-

мянут в Книге Судей, так пока Гиршеле закончит говорить – тут учителю уже и пора идти обедать, не пропускать ведь трапезу из-за пары-тройки имен, кого не успел назвать мальчик? А если спросить у Гирша, сколько будет 28 умножить на 317, так что это будет примерно 8879 или 8900 приблизительно, вы это услышите раньше, чем успеете вспомнить, что дважды два это примерно пять, но не больше шести.

– Ребе, как можно поверить, что солнце не садилось за горизонт, чтобы евреи победили в битве? Какие-то жабы с неба… тигры не едят Даниэля… Или вот суббота. Ну чем суббота отличается от воскресенья? Ну так я сел в субботу у себя в комнате, зажег спичку и закурил сигарету. Я готов был услышать гром и увидеть молнию, готов был даже, что немножко меня заденет, так, не сильно… Ни-че-го! Ровным счетом. Я понимаю, за такое Б-г не должен был облить меня гопящей серой или превратить, как жену Лота, но что-то ведь надо делать!

Я вспомнил про «не возжелай». Вы ведь знаете Цилю Шапиро, жену резника Шмуля? Кто не знает Цилю! Первая красавица во всем Хелме! Ребе, вам одному признаюсь, иначе моя Лея житья мне не даст, как же я возжелал Цилю! Я желал её днями и до середины ночи, все-таки утром надо идти на работу и надо перед работой поспать. И – ничего! Ну так зачем говорить людям «не возжелай», если не собираешься карать?! Или вот «не укради»…

– Стой, стой, стой! Не надо, Гирш, а то ведь выяснится,

что ты и «чти отца» проверял и дальше по скрижалям. Остановись, Гирш!

– Ребе, так скажите мне, что мне сделать?!

В маленьком домике было тихо-тихо, ребе размышлял, жена его тихонечко шептала слова молитвы, Гиршеле с надеждой смотрел на полки с книгами, ожидая ответ.

– А ведь знаешь, Гиршеле, всё что ты рассказал – ничто так хорошо не доказывает, что ты именно «да» веришь в нашего Единого! Иначе зачем бы ты проверял его?!

– Скажи мне, Гиршеле, признвйся, как своей мамеле, – ребецн смотрела на Гирша с робкой надеждой, – ты ведь не осмелился перед Б-гом попробовать трефное?!

Слишком тяжёлая кара!

В гости к хелмскому раввину зашел сосед и приятель Янкель, поболтать, попить чайку, отведать вкуснейшего печенья, испеченного ребецн. Неторопливый разговор обо всем на свете и ни о чем.

– Сосед наш, Вацлав Косицкий, пьет горькую уже вторую неделю. Скоро из дома поплывет мебель – на работу ведь не ходит, а водки требуется все больше и больше. Бедная Марыля, бедные дети… Налейте, ребе и нам по единой, супруга ваша готовит такую замечательную настойку на смородиновых почках!

После короткой паузы Янкель продолжил:

– А не скажете вы мне, ребе, почему среди евреев не встречается горьких пьяниц? Бывает, конечно, что кто-то и выпьет лишнего, но так, чтобы пить неделями, продавать вещи из дома…

– Не так много вещей в доме еврея, чтобы было что продавать, реб Янкель. А еще я заметил, что Г-дь наш очень редко наказывает кого-нибудь дважды. Если женщина глупа, то она хотя бы красива. Если пала лошадь у балагулы, то он может быть уверен, что пожара в его доме не случится много лет. У Гурвичей младшая дочка сбежала из дома с гоем – можно быть уверенным, что старшая сделает хорошую партию, может быть даже с сыном мильонщика Полякова. Согласитесь,

что быть евреем и пьяницей одновременно – слишком тяжелое наказание!

Может, всё-таки развод?

– Ребе, я постоянно борюсь с желанием убить мою Сарочку, мою женушку! Она запилила меня своими придирками, житья нет никакого!

– Может быть, Хаим, тебе просто развестись с ней?

– Нет, ребе, развестись с ней я не хочу, я люблю ее, но убить ее я готов!

– Ты знаешь, Хаим, ты не одинок… совсем недавно ко мне приходили с точно таким же вопросом – хотят убить, но не разводиться. И знаешь, кто приходил?

– ?

– Твоя Сара.

– !!!

– И знаешь что, её шансы предпочтительнее. Гольдман принимает ставки в своей букмекерской конторе, пока что ты идешь один к трем. Может быть, все-таки развод?

И зачем мне сухой зонт?

Хелмский раввин пришел домой, вымокнув под дождем до нитки, даже теплые кальсоны. которые он предусмотрительно надевал, выходя из дома, были мокрые. Удивительно (или не очень?), но под мышкой он держал свой большой зонт, который тоже был абсолютно мокрым.– Ребе, удивленно спросил его лучший ученик Йоси, который удивленно наблюдал, как учитель переодевался в сухое, – если бы вы были сухим с мокрым зонтом, я бы понял. Если бы вы были мокрым, а ваш зонт был сухим, я тоже понял бы – вы держали его так, чтобы сберечь от дождя. Я даже догадался бы, если и вы, и зонтик были сухими – я догадался бы. что сегодня на улице не шел дождь. Но почему вымокли вы и промок ваш зонт?! – Что тебе сказать Йоси… человек не бывает абсолютным праведником, ими не были праотец наш Авраам, его сын Ицхак и внук Иаков. Не был исключительным праведником великий Моше. Но даже такие люди, как Александр Яннай и Великий Ирод не были только злодеями… И вся эта история с моим мокрым бельем и не менее мокрым зонтом …Я надеюсь, ты никому не расскажешь о том, что видел сегодня? Когда пошел дождь, я пытался вспомнить, что писал Раши о долгах наших и просто забыл раскрыть зонт. А когда я вспомнил о зонте его уже поздно было раскрывать, чтобы спасаться от текущей сверху воды. Да и зачем мне сухой

зонт, если подштанники мои были уже мокрыми?

Это наказание!

– Послушайте, ребе, вы всегда умеете дать совет, – молодой Нахумчик не любил тянуть длинную скамейку, он всегда шел прямо к цели, – вы умеете разъяснить сложное месте в Талмуде и мне иногда кажется, что создавая Мишну, раббейну Моше прямо таки советовался с вами.

– Нахум, пойди на кухню к рабанит, там у нее лежит гусь и можешь морочить ему голову сколько хочешь. Что ты имеешь спросить у меня? Ты уже решил жениться и пришел ко мне с этим?

– Ни-ни-ни! Не приведи Б-г, я еще не готов, а вы ведь не хотите, чтобы день моей свадьбы стал для меня девятым ава? Но вопрос мой и о женитьбе тоже, вы умеете угадать вопрос, когда я его еще не задавал! Скажите, ребе, ну почему еврею полагается иметь всего одну жену, тогда как мусульмане имеют целые гаремы? Ведь сколько жен было у царя Шломо, и это не считая наложниц! А наши праотцы – Авраам, Ицхак, Иаков – у них же было не по одной жене? Кто и почему прервал эту славную привычку? И почему можно татарину, турку и арабу, а нельзя, например, мне?

– Слушай, Нахум, мне кажется, что жениться тебе уже все-таки пора, надо будет поговорить об этом с твоими родителями. А что касается множества жен у мусульман… Отчего ты решил, что Б-г таким образом являет к ним свою милость? Мне так кажется, что это таки «да» наказание!

Она не думает ни о чём

– Евреи, я хочу поговорить с вами о дураках, – раввин Хелма проводил холодный осенний вечер в городском кабачке за кружкой пива. – Не уходите, останьтесь, хелмцы, речь пойдет не о вас! Я просто расскажу вам, какого совета просил меня проезжий коммерсант, заглянувший в наш город проездом из Лодзи в Вену. Он заглянул ко мне вечером и спросил: «Ребе, я должен принять умное решение. Я решил дать развод своей жене…» – Послушайте, мар Гольдман! Какое бы решение вы не приняли, разводиться или не разводиться, оно может быть правильным или неверным, хорошим или плохим, справедливым, как решение Соломона или нечестивым, как мысли Ирода Великого, но оно не может быть умным.

– Объясните, ребе, почему вы сейчас назвали меня дураком?!

– Потому что вы дурак, Гольдман. Вы решили развестись сейчас – значит вы были дурак, когда подписывали брачный контракт. Если тогда вы действовали, как умный еврей, значит вы стали дураком недавно, когда решили сказать «Гет!» вашей жене. У вас нет выбора, в этой ситуации вы дурак полюбому. Но не огорчайтесь, я знаю дураков еще более круглых, чем вы.

– Вы имеете в виду жителей Глупска?

– Ну что вы, тем бедолагам мог бы помочь йод, если бы мамочки давали им его с раннего детства. Я имею в виду Ицика Лейбович, который умудрился жениться, развелся и снова женился, и все это он сделал с одной и той же женщиной, о чем она только думает, рожая ему детишек одного за другим шестой раз подряд! Я все же думаю, что она не думает ни о чем, особенно ночью.

Это не отразится на твоём уме сейчас

– Ребе, мне надо с тобой посоветоваться, – сразу взял гуся за лапы Янкель, зайдя в маленький домик раввина. – Я люблю девушку и она любит меня…

– Так в чем дело? Женитесь, я быстро составлю ктубу и вы будете стоять под хупой.

– Ребе, дело в том, что она гойка! Ты знаешь, ребе, я так ее люблю, что готов креститься и венчаться с ней. Но она не хочет этого, она готова пройти гиюр, чтобы встать рядом со мной под хупу. Но я не хочу, чтобы она ради меня порвала со своим родными и своим народом…

– Что, родители не дадут за ней приданое, если она станет еврейка? Я понимаю, что ты будешь проклят и я первый наложу на тебя проклятье…

– Не в том дело, ребе! Я не хочу от нее жертвы, и она не желает жертв от меня. И я подумал – если мы с моей Баськой перейдем в ислам – каждый их нас отречется от веры отцов и никто не будет считать свою жертву исключительной!

В домике у раввина установилось тяжелое молчание, на кухне перестали греметь кастрюли и звякать ножи.

– Знаешь что, Янкель! А вы сразу станьте буддистами, у нас в Хелме так не хватает буддистов! И когда ваши души перевоплотятся, я точно знаю, что в будущей жизни ты станешь дубом. Но на твоём уме сейчас это не отразится никак!

Не хочу ослепнуть

С плачем, размазывая слезы по щекам и наматывая сопли на кулак к ребе ввалился Хаим.

– Хаим, что за горе у тебя?! – страшно переживая, спросил ребе. – Кто-то умер, не приведи Б-г? Неужели Ципора, бедная твоя матушка?

Завывая в голос, захлебываясь и заикаясь, Хаим промычал:

– Я же-же-ню-ню-сь!

– Мазл тов! Так ты не любишь свою невесту?

– Люблю больше жизни!

– Она не любит тебя? Или не согласна выйти за тебя замуж?

– Любит! Согласна!

– Тебе не повезло с будущей тещей? Родители не хотят отдавать дочку за тебя?

– Малка – мать моей Леи-Двоси замечательная женщина! А какие хремзелах она печет – объедение. И меня она любит, как сына…

– Так что ж ты ревешь белухой, дурень! Умойся и расскажи по порядку.

Пока Хаим умывался, успокаивался и пил холодную воду, стакан которой ему принесла ребецн, раввин успел прочитать не менее пяти страниц из сочинения Рамбама.

– Ребе, мой старший брат Гирш женат уже 10 лет. Он так любил свою невесту, он любит свою жену до сих пор, и детишек любит. Но как он несчастен! Он закончил ешибот, целыми днями он изучает Талмуд. Его жена Ривка работает и прачкой, и уборщицей, она ходит по богатым домам перед праздниками, чтобы помочь еврейкам на кухне и заработать грошик… Мой средний брат Мендель женат 6 лет, он любит свою Цилю и Циля любит его. Мендель закончил ешибот, он изучает Талмуд и слушай, ребе – никто не знает Рамбама так, как его знает Мендель! А если бы не помощь тестя, в доме не было бы и крошки еды, а в субботу они не могли бы сделать лехаим. Они так переживают, мои братья, а жены пилят их каждый день, ругают ленивыми дурнями и желают им, чтоб они ослепли. А я не хочу, чтобы моя Лея-Двося желала мне ослепнуть, не хочу, чтобы ее папа, чтоб ему прожить до ста двадцати, вынужден был кормить своих внуков. А я ведь в прошлом году закончил ешибот и очень люблю читать книги бен Маймона и ха-Наси! Несчастный я человек… – и Хаим снова заревел в голос, да так, что рабанит не удержалась, и тоже начала плакать…

Их гоб дих либ!

Конечно, женщины в Хелме любили своих мужчин, а как иначе – приходилось же стирать их подштанники и нательные рубахи, а сделать это без любви невозможно. И конечно же, мужчины Хелма любили своих жен, иначе почему бы пыльным улочкам городка бегало много разновозрастных детишек. Однажды в Хелм заехала театральная труппа, говорят, проездом в Вену, а может быть и в Париж. Остановились на несколько дней, арендовали огромный пустующий сарай, повесили занавес и дали в нем несколько представлений при полном аншлаге. Пьеса называлась «Любовь и алая кровь» или «Грезы и горькие слезы», а может быть и както иначе, точного названия никто не помнит. Написал пьесу сам директор труппы, он же был постановщиком и играл главную роль. Можно сказать, что спектакль посмотрел с замиранием сердца весь Хелм. Сначала на сцену вышел главный герой и долго говорил о своей любви. Потом вышла героиня и рассказала о своей любви к герою. Потом все остальные действующие лица мешали герою и героине остаться наедине и поговорить. Только Фернандо решит объяснить Элоизе, как он ее любит – тотчас он нужен своему другу. Элоиза решила признаться в любви – матушка отправляет ее ухаживать за больной теткой. Лишь в финале юный Фернандо, которого играл актер чуть не под пятьдесят

лет, поцеловал хрупкую Элоизу весом около 110 кг и тут же все остальные герои пьесы начали бурно за них радоваться, обнимать и поздравлять. Финальная сцена пьесы вызывала особенное обильное слезотечение у женской части публики, носами шмыгали даже многие мужчины в зрительном зале. Удивительно было то, что посмотревшие пьесу женщины Хелма дружно, как одна, отказали своим мужьям в том, в чем последние не знали отказа со дня свадьбы. Ну совсем как в «Лисистрате», о которой у евреек Хелма не было ни малейшего представления. Евреи города собрались в доме у раввина просить, чтобы тот нашел ответ «что делать?» в Талмуде. Не все евреи, конечно же – самые активные, помоложе, но Хаим, которому скоро должно было исполниться шестьдесят, тоже пришел. Раввин полистал Талмуд, открыл и тут же закрыл Тору.

– Евреи, если бы вы отказались выполнять свою часть обязанностей, я бы знал. что вам ответить! Муж должен любить свою жену и любить ее он должен регулярно. Но что вам делать, когда ваши жены… не нахожу я ответа ни в Талмуде, ни в своем сердце! Надо будет спросить совета у цадика. Ребецн, которая привычно возилась у себя на кухне, слышала весь разговор и была в курсе городских событий не стала входить в комнату, просто остановилась в дверном проеме из кухни в комнату:

– Старый ты дурень! А вы, молодые и глупые и ты, Хаим, немолодой, а тоже глупый! Ваши жены посмотрели пьесу

про «Что-то-там про любовь» и всего лишь захотели не только стирать ваши портянки и чистить лапсердаки, готовить вам цимес и фаршировать рыбу! Они хотят всего лишь услышать от вас что-то ласковое, впервые в жизни получить хоть какой-то подарок, увидеть, что вы их по-прежнему любите! Когда в последний раз вы делали что-то подобное? А ведь в театре этот мишугинер Фернандо постоянно говорил и своей ненормальной и всем вокруг. как он ее любит! Задумчивые, выходили евреи от раввина. чтобы передать соседям слова ребецн. Интересно, что такого количества цветов хелмские цветочницы не продавали ни в один вечер ни до, ни после этого вечера. А сколько раз в эту ночь в Хелме звучало «Их гоб дих либ!» просто не поддается никакому подсчету.

Шейка из страуса

Янкель и Шломо обедали. Скромный обед, но все же на стол жена Янкеля Ривка поставила бульон из куриных потрошков и нарезаную тонкими кружочками фаршированую гусиную шейку. Пара рюмок водки только способствовала такому обеду и разговору после него.

– Послушай, Янкель, ты и я любим шейку, твоя Ривка делает ее замечательно, почти как моя мама. К нам в Хелм приезжал зверинец, я видел в зверинце страуса. Вот бы, думаю, приготовить шейку из этой птички, какая бы славная получилась бы шейка!

– Не кошерно, – строго заметил Янкель.– А мне вот интересно, почему страуса объявили некошерной птицей? Неужели из-за того, что он не умеет летать? А может быть он умеет, просто не хочет?

– Шломо, Шломо, ну подумай сам! Во-первых, где ты найдешь шойхета, чтобы сумел правильно зарезать эту птичку? Она же его может убить одним ударом своей ножки! Во вторых – во всем Хелме ты не найдешь такого огромного котла и чтоб он был кошерован, сварить такую огромную фаршированную шейку!

И что у Ротшильда на ужин?

– Послушайте, ребе, вы знаете барона Ротшильда? Вопрос от Янкеля Циперовича прозвучал так неожиданно и нелепо, что раввин поперхнулся чаем.

– Что, лично?!

– Я не сомневаюсь, что такой многоуважаемый раввин, как вы, светоч учености и знаток Талмуда, лично знакомый с Любавичским Ребе, может знать и Ротшильда в Вене, и Бродского в Егупеце, и Полякова в Москве. Но я имел в виду, что наш многоуважаемый ребе, конечно же слышал о бароне Ротшильде из Вены. Сейчас уже непонятно, говорят, что он переехал в Париж или Лондон, но это не важно. Мне интересно, какой чай пьет барон по утрам – с яблочным вареньем и рогелах или с медом и мандельброт?

Ребе задумался на минуту и Янкель с удивлением и страхом увидел слезы на его щеках:

– Что с вами ребе, почему вы плачете? Неужели мой вопрос так огорчил вас?

Ребе вытер слезы, громко высморкался в огромный носовой платок, который достал из кармана своего жилета.

– Знаешь, Янкель, я уверен, что Бродский никогда не интересовался, что пьют евреи в Егупеце по утрам, как барону Ротшильду неинтересно, что едят австрийские евреи в Вене, французские в Париже и английские в Лондоне. Но ведь

и французы, англичане. австрийцы равнодушны – есть у барона хала, чтобы встретить субботу или он должен уже пить простую воду? Я плачу потому, что только в Хелме евреи интересуются, что барон Ротшильд ест на завтрак, да может быть в Егупеце переживают, обедал ли сахарозаводчик Бродского и им интересно узнать за железнодорожника Полякова в Москве – что мама приготовила ему на ужин!

Принимать таким, как есть

К ребецн – жене раввина зашла соседка, попросила одолжить хотя бы пол-кочана капусты – решила сварить борщок, а капусты дома нет. Следом заскочила другая соседка – без морковки цимес не приготовить, а морковки дома – только лук и петрушка. Ну как не помочь? Они ведь потом отдадут, если не забудут. Да и самой ребецн случалось то сахар, то муку у соседей спрашивать, не от бедности (слава Б-гу, раввин в Хелме не последний человек, есть что положить в кастрюлю каждый день)! Ну зашли и зашли, получили – одна вилок капусты, вторая чуть ли не фунт морковки. Так ведь без чашки чая не отпустишь? Поболтать, свои новости рассказать, городские услышать. Это мужчины, когда к ребе приходят, разговоры ведут о политике и обсуждают сложные места в Торе. Налила подружкам чай, заварки не пожалела, варенье и тейглах поставила – угощайтесь. Дверь из кухни в комнату открыта – чего теплу от печки пропадать? Домик у раввина хороший – прихожая и одна комната, кухня с плитой, конечно, отдельная. А зачем им с женой больше? Что им, как Бродскому или, не дай Б-г, как Ротшильду, замок содержать.

– Глупая женщина Фира Гольдман, доведет своего мужа – получит развод, – начали обсуждение, перемывают косточки.

– Второй год, как замужем, все хочет мужа переделать, все она его перевоспитывает!

– А вот у аптекаря нашего жена умница, она его осторожно учит, не кричит и не тыкает носом, переделать не пытается.

– Да, умница, дай Б-г ей хороших деток и жить до ста двадцати!

– Интересно, а что делает со своим мужем мудрая женщина?

– Она его принимает таким, как он есть! – подал голос из комнаты раввин, который невольно слышал женский разговор на кухне.

Папа, я видел генерала!

На окраине маленького местечка мальчик пяти лет играл с волчком. Ханука прошла, пришло лето, а волчок остался – грубая заостреная чурка, четыре стороны которой были ярко раскрашены в разные цвета. Короткие штаны на помочах, черная кипа, светлые волосы на висках закручены в длинные пейсы. Первая Мировая, потом Гражданская война почти не задела маленький штетл* в Белорусии, во всяком случае, не задела семью Йоси. Отступление русской армии и наступление немецкой, выселение евреев из прифронтовой полосы, красные и белые, зеленые и войска Пилсудского прокатывали по местечку, евреям оставалось только терпеливо ждать, чем новая волна закончится. Ну, терпения им было не занимать, ждали и молили своего сурового Б-га, чтоб только не было погрома. Недалеко от крайнего дома, на пустыре его старшая сестра присматривает за козой, другая сестра, еще старше, хлопочет по дому, помогая матери. Самые старшие, два Йосины брата – один заканчивает учебу в ешиботе, а второй уехал в соседнюю Литву служить раввином в почти таком же штетле. Отец, как обычно, читает Тору или Талмуд в синагоге, а может быть, кто-то из соседей зашел к нему поговорить или соседка заглянула, спросить совета. По улице местечка шел почтальон в старой, еще имперской почтовой форме. На черном форменном сюртуке сверкали два ряда

пуговиц, блеск пуговиц на обшлагах, значки в петлицах, фуражка украшена бляхой. Густые усы в разлет, через плечо тяжелая сумка, сегодня кто-то на этой улице получит письмо, а может быть даже бандероль. Йоси замер и затрепетал от увиденной красоты, а потом на весь штетль раздался его крик, когда он не жалея пяток несся домой:– Тато, их гоб гезеен а генерал! Их гоб гезеен а генерал!

Какую фамилию носит этот Эдмон?

– Мама, что ты мне посоветуешь? Меня пригласили на свидание сразу двое, – Ента всегда советовалась со своей мамочкой, во-первых, она была очень послушной девочкой, а во-вторых – в старые времена и в рассказах о ранешнем времени дети чаще советуются со своими родителями, если вы верите рассказам. Ента продолжила, увидев, что мамуля превратилась вся в ухо:– Одного ты знаешь, это Гиршеле, сын нашего резника. У второго такое красивое имя – Эдмон! Он недавно приехал в Хелм из Вены, у его отца и деда здесь какие-то дела. Он такой фантазер, постоянно рассказывает мне о Вене и о Париже, обещает увезти меня их Хелма!

– Доченька, ну подумай сама. Гирша и всю его семью мы знаем много лет. Его отец – шойхет, Гирш скоро сдаст экзамен и тоже станет резником, уж что-что, а голодать и бедствовать ты не будешь, пока в Хелме будут жить евреи. Кто-то обязательно должен зарезать корову, овцу или хотя бы курицу, чтобы жены могли приготовить обед своим мужьям. А Эдмон – кто его знает, еврей ли он и соблюдают ли в его доме субботу? И откуда он только приехал на нашу голову, и какую фамилию носит его отец?!

– Ротшильд или что-то в этом роде…

Дура-внучка

Взволнованная и потная, колыхая пышной грудью, в домик раввина быстро вошла девушка. Она спросила ребецн, но та уехала проведать свою замужнюю дочку, потискать внуков, и немножко отравить жизнь своему зятю, который по ее мнению недостаточно любит свою жену, плохо заботится о своих детях и совсем не уважает тещу. Пришлось раву самому разговаривать с девицей.

– Ребе, сегодня вечером моя свадьба, я буду стоять под хупой… – Мне ли не знать об этом, если я должен буду стоять напротив?!

– Ну да, ну да… Я хочу спросить, ведь после свадьбы, я буду лежать в постели со своим мужем…

– И что удивительного? То есть что тебя удивляет, ибо сказано в Торе «Плодитесь и размножайтесть»!

– Ну да, ну да… Я хочу спросить тебя, ребе, о чем мне следует думать, когда… ну вы понимаете, когда…

Раввин помолчал немного и спросил:

– Ты ведь Лия, дочка хромой Рахили? Той Рахили, дочки Малки, и следовательно ты Малкина внучка… Когда будешь лежать в постели со своим мужем, когда он начнет снимать с тебя рубашку – поблагодари от моего имени свою бабку Малку.

– За что, ребе?! – удивилась Лия.

– За то, что когда-то давно, на свадьбе у Пинхуса Дворкина, когда я потискал ее в темном месте у забора, она влепила мне пощечину. Она мне нравилась, а после той пощечины у нас ничего не сладилось и теперь, слава Г-ду нашему, у меня нет такой дуры-внучки!

Почему зима – не лето

Меир Вольф снова пришел к раввину, чтобы задать свой вопрос. Известно ведь, что любой житель Хелма способен задать столько вопросов, что на них не будут успевать ответить все жители Египеца, не только раввины. А сложность вопросов жителей Хелма бывает такой, что собравшись вместе, раввины Египеца не могут найти на них ответы. Будь это во времена гаонов, можно было бы написать в Вавилон или хотя бы в Ерушалаим, но… Не таков был хелмский раввин, наполненный мудростью Талмуда и комментариям Раши, он всегда знал, что сказать не только евреям!

– Ребе! – спросил Меир, – почему мир устроен так, что летом, когда мы изнываем от жары, когда так хочется снега и льда, никогда с неба сыпется снег? Зато зимой, продрогшие до костей, мы мечтаем об июльском зное, но солнце нас не согревает, только светит?

Раввин полистал ТаНаХ, для этого ему не пришлось даже надевать очки, очки уже сидели у него на носу. Видно было, что Книгу он листает для виду, обдумывая ответ, а не ища его среди страниц.– Послушай, Меир, если бы летом вдруг пошел снег, а моя Лия, дай ей Б-г дожить до ста двадцати, как раз разложила просушиться перину и подушки? Ты только представь, какая это была бы неприятность! А ты Меир, зимой ты переехал к своему тестю на другой конец Хелма, пе-

рестал топить печь, чтобы выморозить всех своих тараканов. И что? Среди января начинается жара и эти твари возвращаются к тебе жить, тебе приходится возвращаться домой, даже не попробовав бульон с манделах, который приготовила твоя теща, не отведав ее рогаликов. Хорошо бы это было? И ушел Меир Вольф из дома раввина, размышляя о безмерной мудрости Г-да и благодаря его за то, что прислал к ним в Хелм такого мудрого рава.

Сколько чая выпивает Высотский

Меир Вольф из Хелма пришел к раввину, чтобы задать вопрос:

– Ребе, каждый еврей знает, что рыба очень полезна для ума, в ней так много фосфора. Как ты думаешь, где едят больше селедки – в Егупеце или в Касриловке?

– Ты знаешь, Меир, иногда мне кажется, что в Хелме рыбу не едят вовсе, а всю селедку, которую должны привозить в наш с тобой Хелм съедают Бродский и Высотский.

– Ребе, я каждый вечер за ужином съедаю гекахте фиш, моя Лея-Двойра готовит ее так вкусно! И съедая по целой селедке вечером, я должен потом ночью вставать несколько раз, чтобы утолить жажду. Сколько же воды выпивают ночью сахарозаводчик Бродский и чайный фабрикант Высотский?!

– Меир, они не пьют воду, они пьют чай, даже ночью.

Шикса

Спокойная жизнь в городе Хелм …но вы же не поверите, что жизнь в Хелме была всегда спокойной? То разругаются до самых страшных проклятий соседки и бывшие лучшие подруги Лея-Двося и Злата, то обнаружится, что городской шойхет неровно дышит к жене меламеда, а та позволяет ему придти переночевать прямо днем, пока меламед учит талмуд с детьми в хедере. И что интересно – ни один самый секретный секрет не мог оставаться секретом больше двух часов – проверено многократно! Стоило только молодому Менделю проводить Рахилю домой и помочь ей нести тяжелую корзину с базара, как женщины Хелма начинали обсуждать, сколько должен будет выплатить Мендель по ктубе, когда будет давать Рахиле развод. На женской половине синагоги всегда было что обсудить и какой новостью поделиться. Дочка хелмского лавочника Руфь (дай Б-г её отцу Рувиму столько денег, сколько хелмцы думали, что у него их есть) приехала из Варшавы, где училась на женских курсах (надо же, втемяшилось девчонке, что должна она стать акушеркой!) Ну приехала и приехала, должна же она была когда-то и домой приехать, не все же учиться. Так нет, вместе с ней приехал молодой мужчина. Уже скандал! А что зовут его Яцек – то не скандал?!Яцек – так Яцек, с кем не бывает, но он же сразу пошел к раввину, тот позвал за моэлем и втроем они

долгое время обсуждали что-то в домике у ребе. Кто только из соседок не заходил к ребецн за эту пару часов – и соль попросит, и капуста вдруг дома кончилась, и муки не хватило, чтобы испечь тейгелах – ребецн никому не отказала, но принимала посетительниц на кухне. а дверь в комнату была закрыта. Хорошо, что буквально на следующий день весь Хелм только и говорил. что о готовящемся брите Яцека, который выбрал себе новое имя Янкель, и что вскоре после бритмилла Янкель и Руфь будут стоять перед ребе под хупой. И ведь что интересно, уже через полгода молодому геру поручили читать в субботу очередную главу из Торы! А когда Йоселе-портной, сын портного Боруха привел в дом гойку Анелю?! Его мать кричала «Убивают!», каталась по полу и протягивала сыну ножик – просила зарезать её, чтобы не мучиться. Ну что с того, то Анеля прошла гиюр и окуналась в микву – свекруха не имела для неё другого имени, как «шикса». И в комнате у Йоселе с Ханой (бывшей Анелей) всегда чисто и убрано, и на кухне порядок, и никогда она не приготовит дома трефного – всем бы мужьям такое золото, как Хана (кто не пропивает последний грошик в шинке, а несет его домой, чтобы отдать жене). Ну подумать только, уже двое внуков у Голды, матери Йоселе-портного, скоро будет третий. а все «шикса» да «шикса»! Подумать только…

Спорщики

Евреи Хелма считали свой город средоточием учености и мудрости, ставя его в один ряд с такими университетскими городами, как Болонья в Италии. Монпелье во Франции и Толедо в Испании. Некоторые талмудисты Хелма договаривались до того, что сравнивали город с Вавилоном эпохи гаонов. Хромой Меир однажды сравнил Хелм с Иерусалимом, но такой дерзости ему не позволили, максимум – с каббалистическим Цфатом. Среди ученых мужей Хелма выделялись талмудисты и знатоки ТаНаХа Гиршеле и Менделе, правда, им оставалось прочитать еще примерно страниц пятьсот священной книги, но среди мудрецов Хелма они считались самыми выдающимися – у Гирша ведь был третий том комментариев Раши, а Мендель почти закончил чтение Агады и собирался приступить к изучению Шулхан арух. Спорщики Гирш и Мендель были завзятые, переспорить своими неистовыми криками могли любого, потому с ними старались не связываться и оставалось им объяснить темные места из прочитанного только друг другу. Так ведь известно: два еврея – три мнения! И спорили они до хрипоты, а иногда и до выдранных бород и пейсиков. Если один из них, скажем, утверждал, что река Итиль впадает в Хвалынское море, второй тут же поправлял, что не Итиль, а Ра и не в Хвалынское. а Хазарское. И тут же затевался спор о том, пришли хаза-

ры прямо из Иудеи или сначала останавливались в Вавилоне, сами ушли или выгнал их Нерон с Титом, все десять пропавших колен населяли Хазарию или только колено Реувена. ушли они потом в Бухару с берегов Каспийского моря или составили основу казачества на Дону. Ну, казалось бы, что еврею до казаков?! Так нет, спорят до хрипоты – фамилия Мелехов произошла от слова «царь» или от «соль»? Ну скажите, если казак стегнет по спине нагайкой, вам будет не все равно, как его зовут и от какого еврейского слова происходит его фамилия, даже если его родословная будет восходить до самого кагана?

Страхи

– Послушайте, ребе, – Йосл бледнел, потел, постоянно вытирал лицо платком – он очень волновался.

– Послушайте ребе, я уже начинаю бояться, добром для меня это не кончится. Я так начинаю бояться. что уже каждую ночь жду, когда меня придут арестовать и пусть закончится этот ужас.

– Йосл, расскажи подробно, чего следует бояться мелкому гешефтмахеру? Или ты должен денег Зюссу, а может самому Ротшильду и они требуют их вернуть? Ну так верни что должен и спи уже спокойно!

– Слава Богу, Ротшильдам я ничего не должен, но разве вы не слышали, что в самом Париже арестовали этого Дрейфуса-Шмейфуса и его будут судить военным судом? Он ведь шпион, а это значит «пиф-паф» и все кончено!

– Еще не «пиф-паф» и какое отношение Дрейфус имеет к нашим хелмским евреям?

– Ребе, я ведь езжу туда и сюда. там купил – здесь продал, из Парижа в Вену, из Хелма в Черновцы, с того и живу. Австрийские жандармы свободно могут арестовать меня в отместку, что французские арестовали Дрейфуса. Во-первых, я веду свой гешефт и с французами, я почти свободно говорю уже и по-французски. А во-вторых я знаком со старшим конюхом графа Эстерхази, он два раза покупал у меня туа-

летную воду, которую я привез ему из Парижа. Правда, что ни французская, ни австрийская таможня не получила причитающейся пошлины, но за это я уже почти не боюсь, они ведь арестуют меня, как шпиона. а не как контрабандиста!

– Послушай. Йосл, мне кажется, что австрийским жандармам есть до тебя дело, как Моше волновался, что будет с египтянами после десяти казней! Спи уже спокойно и не бегай по Хелму, размахивая руками, будто ты ветряная мельница. Ты скажешь жандармам, что привозишь из Парижа не только туалетную воду для конюха графа Эстерхази, но и голландские сорочки лакеям канцлера Бисмарка в Берлин.

– Ойц, какое вам спасибо, ребе, ведь это почти чистая правда, жить вам и жене вашей, и деткам до ста двадцати! А что, вы думаете, на них это подействует?

– Йосл, важно, чтобы ЭТО подействовало на тебя! Иди уже и поменяй свой платок, ты так вспотел, что он уже мокрый насквозь. Я только боюсь, что сейчас ты испугался, как бы тебя не приняли за французского шпиона, а потом ты испугаешься, что тебя сошлют на остров, как французского императора.

Кот

– Ребе, вы знаете, какой умный у меня кот? – Мотл зашел к раввину не с пустыми руками, мужчинам теперь было с чем отведать кисло-сладкое мясо, приготовленное женой ребе.

– Это такой умница, такой умница! Напроказит чего-нибудь, я только соберусь его пожурить, а он или под диван спрячется, мне его не достать, или на шкапу сидит, не буду же я за ним лезть на верхотуру. Лехаим, ребе! Но не про это я хочу вам рассказать, ребе. Заметил я, что в первой половине дня котик мой, мой Васька (не давать же коту человеческое имя Шмулик или там Шломо) ест только молочное! Вот поставит ему жена моя Ривка блюдце сметаны или сливок – вылижет его подчистую и ни за что не притронется к мясному, да Ривка и не осмелится ему предложить мясо, правду сказать, ребе, что мясо у нас в доме и нечастый гость. Зато как он вечером ловит мышей, которые у нас дома частые гости. И ведь именно вечером, когда уже можно и мясного поесть. Поймает одну-другую мышку и съест их. а сам так и мурлычет «Ш-мя-у, ш-мя-у!». вот просто слышу от него «Шма, шма».

– Очень интересно, Мотл, очень, – только и мог вставить раввин, как гость продолжил, не забывая наливать себе и хозяину из принесенной бутылки, цепляя на вилку очередной кусок мяса и макая в подливку кусок лепешки.

– Ребе, я уверен, что мой кот, мой Васька – еврей, иначе к чему ему так строго соблюдать кашрут? Сказано же в Торе «Не вари козленка в молоке его матери» – он и не ест мясное вместе с молочным, такой молодец! Ребе, как вы думаете, если котику моему сделать обрезание? Через неделю Мотл подошел к раввину в синагоге:

– Вы помните, ребе, про моего кота? Ну конечно помните, как про такого забудешь! Нет, все-таки гой останется гоем, Васька – он Васька и есть! Буквально вчера, покормила его Ривка сметанкой, слава Б-гу, корова наша доится, пусть у всех матерей для их новорожденных будет столько молока, сколько дает моя корова. Съел котяра сметану и пошел гулять во двор. И прямо на моих глазах зазевавшегося воробья прямо слопал, вот прямо с перьями! А ведь так соблюдал, так соблюдал!

Счастливая трубка

– Ребе, вы слышали эту новость – Хаим-Борух, муж Соре-Ривки вернулся от своего цадика, у которого он жил последние 2 года, изучая каббалу. Подумайте, все уже называли Соре-Ривку «соломенная вдова», два года мужа нет дома, и тут он вернулся. И что самое интересное, он принес с собой чубук от трубки, которую курил цадик! Вы знаете, какой это чудесный чубук? Все хотят его иметь хотя бы на пару затяжек из трубки – он, этот чубук, приносит счастье! Мотл-молочник из Касриловки вез свои бидоны на базар в Хелм и перевернулся на телеге, когда дорога шла через овраг. И знаете что? Он вполне мог убиться, такой крутой там подъем, но накануне он половину часа курил трубку с этим чубуком и отделался всего лишь сломанной ногой и двумя сломанными ребрами! А Гирш, который готов был дать «гет» своей жене Рахель – она никак не могла родить ему ребенка. Так он взял чубук у Мотла на целую ночь и уже через пять месяцев он должен стать отцом. Подумайте, ребе, разве это не чудо – его полгода не было дома, одна ночь с чубуком от трубки цадика – и через пять месяцев у него родится, если Б-г даст, сын! Ну, если Б-г не даст, то родится дочь, но Рахель и дочке будет рада. А вы знаете, ребе, как рада Соре-Ривка? Ведь за каждую затяжку, за каждые полчаса, на которые она дает попользоваться чубук, ей платят живые деньги! Сегодня

даже г-н помещик прислал три рубля – он хочет этот чубук на целую неделю!

– Послушай, Ицик, что ты пристал ко мне с эти чубуком?! Не собираюсь я арендовать этот чубук ни у Соре-Ривки, ни у Хаим-Боруха, ни у самого цадика!

– Ребе, ребе, вы неправильно меня поняли! Ведь хасидский цадик – такой же раввин, как и вы. Вот если бы вы дали мне чубук от своей трубки

…После этих слов в доме раввина настала тягостная тишина, которую все-таки пришлось прервать раввину:

– А это ничего, Ицик, что я не только не цадик – я не хасид? Это ничего, что я НЕ каббалист и никогда НЕ читал книгу «Зогар»?! И это ничего, мишугинер, что весь Хелм знает, что я не курю трубку и вообще не курю?!!

Миньян праведников

История эта, как все широкоизвестные истории, обросла нелепыми подробностями, глупыми деталями, попросту враками, правда оказалась погребена под вымыслами. Известнейшие каббалисты в Цфате, читая Тору и производя необходимые вычисления согласно гематрии, нашли способ избавить человечество от пороков, вернуть мужчин и женщин в райские кущи, где не будут они голодать, не придется им проливать пот, добывая свой хлеб, не испытают женщины мук при рождении детей. И уж конечно, исчезнут войны, моровая язва и стригущий лишай. Для этого надо, чтобы десять праведников составили миньян, совместно прочли вечернюю молитву и заклинание. Заклинанием этим пользовались еще халдеи, когда им нужно было прекратить град, повысить урожай ячменя или снять зубную боль. Беда в том, где в Палестине найти десять праведников?! Кого римляне не увели в рабство, того арабы обратили в мусульманство, кого не убили крестоносцы, тот сам уехал в Черновцы, Вильно или в Бердичев. Вот и получается, что собрать миньян из праведников под силу только хасидам. Получив письмо из Цфата, любавичский ребе долго морщил лоб, чесал свою бороду, так что жена собрала чистое белье и приказала сходить в баню, а ведь только четыре дня назад ребе в ней парился. Задача собрать вместе десять праведников была такой

непростой, что ребе позвал к себе в дом цадика из Хелма, который по счастью остановился в ярмарочной корчме – через два дня в Любавичах собиралась большая ярмарка. Сначала любавичский ребе и хелмский цадик несколько раз прочитали письмо из Цфата, потом они долго спорили, затем любавичский ребе достал пачку чистой бумаги, перья, чернила и все, что нужно для письма и два раввина долго чиркали бумагу. Писем было так много, что марками, которые клеили на конверты, можно было почти совсем обклеить стенку в домике любавичского ребе, если, конечно, клеить изнутри, а не снаружи. Полетели письма во все концы, два письма даже к караимам попали, но это потому, что уже тогда почта в России плохо работала. Во всех письмах было предложение назвать имя праведника и помочь ему добраться до Хелма (на сборе в этом великом городе особенно настаивал цадик). Но что самое интересное – письма еще были в пути, их везли почтовыми тройками, перекладывали с места на место на почтовых станциях и почтамтах, а все евреи в черте оседлости и чуть-чуть за ее границами только и говорили, что о поисках десяти праведников. О праведниках говорили и в синагогах на мужской половине, и в корчмах, где собирались гешефтмахеры и маклеры, о праведниках рассуждали на женских балконах синагог и возле общинных печей, куда ставились субботние чолнты.

– Муж Енты, Хаим…

– Что вы говорите, Лея, вы только послушайте, что вы го-

ворите! Хаим, который не выругавшись, не сможет связать двух слов – праведник!

– Может быть, Мотл из Касриловки?

– Который Мотл, тот что так любит танцевать фрейлахс на каждой свадьбе, который не пропускает ни одной вечеринки, когда его семья ужинает одним куском хлеба на семерых? И это вместо того, чтобы работать, а не проживать приданое своей хромой Голды?!

И вот такие разговоры велись в каждом местечке, а также в Егупеце, на Москве и в самом Санкт-Петербурге. Конечно же, разговоры евреев дошли и до хозяина Преисподней. Озабоченный и хмурый он вызвал своих самых близких подручных.

– Новость вы знаете, эти выдумщики из Цфата совсем не пугают меня, пусть делают свои вычисления и царапают свои заклинания. Но когда хелмские хасиды принимают участие – это оборачивается для меня большой бедой.

– Адони, зачем тебе беспокоиться? Я сама займусь нашими мудрецами и вы увидите, что они не вас, а себя доведут до беды, – Лилит была чертовски хороша и, как всегда, убедительна. Послушайте, два или три года евреи канителились – кто-таки среди них праведник? Чаще всего оказывалось, что праведник совсем недавно умер, только-только по нему отзвучала поминальная молитва. Или праведнику всего несколько недель от роду и никак он не может участвовать в составлении миньяна. Но все-таки, все-таки

десять их собралось в Хелме накануне ярмарки. Благоговейно смотрели евреи, как важно шли они в синагогу, старались вдохнуть запах, который исходил от них, запах густого дегтя от сапог и редьки с луком из ртов. Всю ночь молились праведники, трижды прочли они составленное в Цфате залинание, а утром… Утром балагулу Пинхаса, как обычно, нашли мертвецки пьяным в придорожной канаве и жена его Сарра со слезами и криками повела домой, внимательно осматривая его штаны и лапсердак – сможет ли она самостоятельно почистить и починить их или придется обращаться к портному Арье? Нет, не получилось в этот раз у праведников избавить евреев от пороков. Пришли к ним любавичский ребе и цадик из Хелма, стали все двенадцать думать, что не так и как сделать «так». И после долгих-долгих споров, чтения книг ТаНаХа сказал хелмский цадик:

– Евреи! А хоть вы все и праведники и не зря собрались здесь, признайтесь, что у каждого есть темная половинка, о которой вы хотите забыть и даже забыли! Кто-то выпил глоток воды в Йом Кипур, кто-то из вас (упаси Б-же, я не утверждаю!) попробовал сало (и трое незаметно обтерли себе губы), а кто-то не просто пожелал жену своего соседа, а делил с ней кровать (и двое вздрогнули, словно обманутые мужья уже стучали в двери). И что же нам делать? Надо собрать не десять, а двадцать праведников – тогда уж точно, сложив праведные половинки может получиться миньян и заклинание обретет силу! Задумчивыми разъезжались праведники

домой – как же подсчитать в душе своей праведность, составляет ли она хотя бы её половину?

Выкрест

Хелмский раввин пришел домой из синагоги, а там, о радость! гость – реб Мотл Дворкин. Сидит за столом, пьет чай, который ему предложила ребецн, лицо у Мотла «девятого ава», словно только что у него на глазах с рабби Акивы содрали кожу. Раввин достал настойку, которой изредка лечил печали, две рюмочки-наперстки:

– Рассказывайте, реб Дворкин, надеюсь, никто не умер?

– Горе мне, ребе, горе, лучше бы он умер, мой мотек, мой сын Лейба! Этот паршивец, этот мишугинер коп крестился! Пришлось раввину налить еще по наперстку, первую-то чуть было не выплеснул наружу, закашлявшись от такой новости.

– И в какой церкви он это сделал? Я имею в виду, стал он православным или католиком?

– Сейчас он католик, не знать им вечного покоя после Суда!

– Ну что вы, Мотл, это уже неплохо. Я уверен, что это гораздо лучше, чем если бы он стал адвентистом. И пусть он стал католиком, но ведь не ушел к саббатианам…

– Я прокляну его, клянусь нашими праотцами, прокляну! Вы бы знали, что творится у меня дома – жена плачет, дочки в слезах, теща моя третий день не выходит из своей комнаты, совсем перестала со мной разговаривать, ничего не ест, только завтракает и обедает.

– Вы знаете, реб Дворкин, я ведь знаком с хелмским ксёндзом, паном Юлианом. Он, хоть и католик, но вполне приличный человек, мы иногда играем с ним и отцом Петром в преферанс по маленькой. И вы знаете, совсем недавно, заказывает отец Петр восьмерную в трефах, я, конечно вистую, пан Юлиан тоже объявляет «вист». Ну, думаю, всё – выпустим! Так нет, пан Юлиан выходит в пику – я бью туза у батюшки. Я выхожу в бубну – ксёндз убивает поповский марьяж. так мы славно в темную отца Петра раскатали – без трёх ушел!

– Вейз мир, ребе, горе мне! Прокляну, как есть прокляну! Не будет у меня сына, а у Лейбы наследства! Голодранцем помрет, сухой корке будет радоваться.

– Мотл, возьмите себя в руки и в те же руки возьмите рюмочку, я уже налил. Вы ведь знаете вашего соседа Гольдмана? Как вы думаете, он хороший человек?

– А почему вы спрашиваете? Вы что-то про него знаете?! Он занимал у меня деньги и всегда отдавал мне в срок. Вот совсем недавно он снова занял у меня… Скажите, ребе, вы что-то знаете о его гешефте?! Он не сможет отдать мой займ?!Ой, горе-горе!

– Перестаньте так убиваться, реб Дворкин, так вы никогда не убьетесь! Я имею в виду, что он, этот Гольдман, неплохой человек. Он развелся со своей женой уже давно, но он не бросает помогать своим детям, а их у него от неё трое. Да новая жена нарожала ему четверых, подумайте, какой пло-

довитый этот Гольдман, жить ему до ста двадцати! Я говорю, что он развелся с женой, но он ведь не развелся с детьми, не так ли?

– Горе мне, горе! Прокляну…

– Мотл, вспомните, что красавца Йосефа братья продали в египетское рабство. Но ведь Йосеф не бросил своих братьев, не оставил их умирать от голода?

– Я сам готов продать этого гоя, моего мотека, моего Лейбу египтянам, берберам, маврам и верьте мне, я дорого за него не запрошу!

– Выпейте, реб Дворкин, выпейте, – раввин с грустью посмотрел на быстро пустеющую бутылку…

Мужья-праведники

В маленький домик, где раввин жил со своей Песей пришла Лея-Двося, дочка портного Ицхак-Арье, хотя, скажем прямо ну какой Ицхак-Арье портной? Так, перелицевать пальто, надставить брюки или укоротить новые штаны. Пуговицы, надо сказать правду, он пришивал на совесть, оторвать их можно только с мясом… но мы отвлеклись. Пришла Лея-Двося, дочка портного… Вот только не надо путать Лею-Двосю с Леей Малкиной, той скоро будет почти пятьдесят, а этой еще и восемнадцать не исполнилось. И не вздумайте спутать Лею-Двосю с Двойрой – у Двойры отец тоже портной, но зовут его совсем даже Борух и он такой портной, что в самой Лодзи или, скажем, в Бердичеве таких можно найти не больше двух человек. Господа из окрестных поместий заказывают у него костюмы-двойки, а пару раз он даже шил тройку с жилетом для пана Заглобы, шил из такой, знаете, материи серой с искрой …ну вот, опять отвлеклись! Что вы меня все время отвлекаете! Хотела Лея-Двося посоветоваться с раввином, но того дома не оказалось, в это время он всегда занимался с мальчиками в талмудторе. Ну так дома была ребецн, а кто лучше женщины поймет другую женщину?

– Пани Песя, вот скажите мне, если я выйду замуж за благочестивого еврея, а он вдруг умрет…

– Лея, ты вышла замуж?! Мазл тов!

– Нет, Песя, если я выйду, а он умрет, он же попадет к праведникам после Страшного суда?

– Ну, это решать уж точно не мне, кто куда попадет!

– Прошу вас, Песя, не перебивайте меня, мне так трудно говорить! И вот я вдова, а потом, потом снова за меня посвается хороший какой-нибудь вдовец и я снова выйду замуж. А он снова умрет…

– Вейз мир, какое горе!

– Он ведь тоже будет праведник? Ведь я прослежу, чтобы он читал Талмуд и Тору, чтобы не забывал талес и филактерии и чтобы молочное не смешивалось с мясным!

– Ну, наверное да, – ответила рабанит, но в голосе ее слышно было сомнение.

– И вот мой второй муж умер, и надо так случиться, что сватается ко мне третий, и пусть он будет после ешибота и даже пусть он будет раввин…

– Ты смотри, какой нахес, и надо же – все тебе одной!

– Не смейтесь над бедной девушкой, пани Песя! Я и так уже сильно стесняюсь, но что я хотела спросить…

– Ну так спрашивай уже, не морочь мне голову, мне еще обед готовить!

– Я не морочу, я хотела посоветоваться. Скажите, как вы думаете, а может быть об этом даже написано в Торе. Когда все три моих мужа будут наслаждаться в райских кущах – с кем из троих мне надо будет проводить время?

Зачем Ноах взял комаров в ковчег

Вот ведь человек – Шлёмо Машковиц, умеет задать такой вопрос, что на него затруднились бы ответить оба Моше! Хелмскому раввину далеко до Моше бен Маймона в уме и учености, а куда деваться? Кто-то ведь должен и на Шлёмины вопросы отвечать. Вот и сегодня, Шлёмо пришел, и даже не поздоровавшись ни с раввином, ни с ребецн начал:

– И зачем все-таки Г-дь, создавая этот мир, создал не только корову, гуся, курицу и утку, которых евреи с таким удовольствием кушают на протяжении веков, зачем ему понадобилось создавать еще и некошерных животных, особенно свинью? Я еще пойму Его замысел. когда он создал лошадь, осла и верблюда – на них можно пахать землю или перевозить товары. Но зачем надо было делать свинью? Ни в упряжку запрячь, ни в субботний чолнт положить!

– Ну что ты говоришь, Шлёма, что ты говоришь! Ой, вы только послушайте, что он говорит!

– Я знаю всё, что вы мне можете сказать, ребе! Уже не надо так нервничать. Не все в этом мире евреи и им тоже надо чего-то покушать, ну так и пусть себе кушают свинину и даже раков, пусть. Даже не это меня удивляет больше всего. Ребецн все же удалось вставить свое слово, перебив словоохотливого гостя:

– Шлёма, вы уж говорите скорее, потому как время доро-

го, мне еще готовить, кормить мужа и мало ли дел, которые должна сделать хозяйка до захода солнца?

– Песя, только один последний вопрос и я уже ухожу. Скажите, когда Ноах собирал на своем ковчеге каждой твари по паре, у него ведь было не так много места? И зачем уже он взял туда комаров, что, без них было совсем никак?!

И это тоже пройдёт

– Вот только не надо, ребе, не надо мне рассказывать про козу! – пришедший к раввину Мендл-Мотл Фильштейн был взволнован, рассержен, даже зол, – я сам уже много раз подумывал о том, чтобы купить козу!

– Что, что-то случилось? – задал свой вопрос раввин. Уж он-то знал, что второго такого паникера, как реб Фильштейн надо поискать, – неужели пришел Машиах? Осанна!

– Ребе, вам бы только посмеяться над бедным евреем, и как вам только не стыдно! А я хочу спросить, когда все это кончится, потому что сил терпеть все это у меня нет!

– Мендл-Мотл, скажи мне «когда кончится все это» – ты о чем? День кончится сегодня вечером, твои крики кончатся, когда ты уже успокоишься и расскажешь мне все по порядку. Вообще все когда-нибудь кончится, как сказал еще царь Шломо.

– Послушайте ребе, скажите, сколько мне уже терпеть? Мы с Ривкой живем в маленьком домике, в маленьком, но своем. У нас всего две комнатки и кухонька, но это не считая чуланчиков. Комнат у нас две, а детей пять, но ничего, мы как-то умещаемся, а на маленькой кухне моя Ривка умудряется приготовить такой кугл, что пальчики оближешь, вы знаете, к концу обеда от кугла ничего не остается, все съедается подчистую. И вот в наш маленький домик стучится юно-

ша, оказывается мой двоюродный племянник, сын Брошки из Касриловки приехал в Хелм, он хочет здесь учиться. Ну ладно, проходи, устраивайся, Ривка даже будет наливать тебе тарелку фасолевого супа или что там у нас будет на обед – сын моей двоюродной сестры – не чужая кровь. Потом приезжает Ицик, у его мамы умер муж, вдова осталась с семью детьми, а мальчику надо учиться в хелмском хедере и жить он хочет именно у меня. Кем мне доводился его папа я точно не знаю, а может быть его мама моя родственница, но уже мальчик живет вместе с моими детьми. Ничего, хороший мальчик, на аппетит не жалуется. А потом приезжают по делам в Хелм один за другим Соломон от тети Баси и Лейба Бернштейн от тети Хавы. Я вспоминаю, что когда я ездил в Егупец на свадьбу Рахили и Боруха, там были и Бася, и Хава – какие-то родственники по линии мамочки, благословенна будь ее память! И вот когда, чтобы выйти ночью во двор, у меня же слабый мочевой пузырь, ребе! Чтобы выйти ночью во двор, мне приходится протискиваться через всю эту толпу, а еще надо смотреть, чтобы девочки не раскрылись во сне, а эти шлимазлы не оказались через чур близко к девочкам… так вот, приезжает к нам моя дорогая теща и заявляет, что она должна жить у нас, что она должна помогать своей дочурке, своей кровиночке! Выплатите наконец мужу своей кровиночки обещанное приданое – это будет лучшая помощь! Ребе, вы мне не скажете, сколько мне еще терпеть, когда это наконец-то кончится?!

– Послушай, Мендл-Мотл, у царя Шломо было кольцо от его отца, царя Давида…

– Ой, знаю! Снаружи на нем была надпись «Это пройдет», а когда жареный петух начал клевать его тохес совершенно всерьез, то на внутренней стороне он прочитал «И это тоже пройдет». Бог мой, сколько раз я уже слышал эту хохмочку!

– Реб Фильштейн, но ты не знаешь, что кроме кольца царь Давид дал сыну папирус, на котором знаешь что было написано?

– Неужели он рассказал сыну, как можно удержать родителей жены, чтобы они сидели себе дома? – Там было написано, что когда после чтения второй надписи жизнь снова станет невыносима – можно вернуться к первой надписи «Это пройдет» и это «работает» до трех раз!

Счастье

Был вечер Судного дня. В Судный день ни один еврей не заглянул в маленький домик раввина на окраине Хелма. Ребе и рабанит были просто счастливы!

Страх

– Послушайте, ребе, вы бы знали, как я боюсь – вы бы испугались вдвое!

– Чего это я должен испугаться, Лейба? Что ты такое знаешь, чего я должен бояться, говори немедленно?! Неужели снова погром! – раввин испугался не на шутку и это было очень видно, он стал белым, как сметана, которую продает молочник Тевье.

– Ребе, я боюсь именно потому. что не знаю! Вот скажите мне, сколько лет назад Б-г создал этот мир? – Если сейчас 5656-й – вот и считай… И скажи ты, наконец, по-человечески – чего бояться?

– Так вот, создал Г-дь наш этот мир и вскоре прогнал Адама и Хеву из эдемского сада, чтобы они уже работали и не кушали задаром его хлеб. А потом наслал он на наш мир (благословен будь Г-дь даже в гневе своем!) Всемирный потоп, в котором погибли все, а спасся лишь Ноах со своей семьей…

– Ты решил пересказать мне всю Тору или только одну главу, мишугинер?

– Не ругайтесь, ребе, это нехорошо! …и спасся только Ноах и сыновья его с семьями. А потом за грехи сжег он и полил кипящей серой Содом и Гоморру, так что даже жена Лота превратилась в столп.

– Этот мудрец уже сведет меня с ума, я должен выслушивать всю историю от сотворения мира!

– Ребе, знаете, чего я боюсь? Что-то давно не слышно ничего ни о потопе, ни об огненном дожде – решительно ничего! Но ведь люди не стали безгрешными! Так я стал бояться, что Он что-то задумал такое, что и Лоту и Ноаху и не снилось, что даже они не спасутся, что уж говорить о таком маленьком человеке, как я. Что-то давно уже не было слышно о карах Г-них! Я конечно же не египтянин и нисколько не заслуживаю казней египетских, но мне так страшно, ребе, так страшно!

Две головы у мужчин

– А скажите вы мне, мадам Песя, синагога разделена на мужскую и женскую половину для того, чтобы мужчины не отвлекались при молитве на женщин или чтобы женщины не заглядывались на мужчин? – молодая Броша задала свой вопрос, когда соседки возвращались домой после вечерней молитвы.

– Броша, наши мужчины такие, что хоть ты прячься за занавеской на женской половине в синагоге, они увидят и заметят все, что им надо! Иногда они так посмотрят на тебя, что уже через девять месяцев можно ожидать младенца! И что творилось бы в синагоге, если бы мужчины и женщины сидели в ней рядом? Ты заметила, как стали блестеть глаза у Двойры, когда молодого Менделя Лейшмана вызвали читать перед всеми субботнюю главу Торы?

Двойра, которая шла рядом, вспыхнула огнем и запротестовала:

– Ну что вы такое говорите, Песя, как вам не стыдно?!

– Пусть будет стыдно тому, кто плохо об этом будет думать, а ваше дело молодое! Твой отец еще не думал завести разговор со старым Лейшманом? Не пора ли послать к нему сваху?

– Перестаньте, пани Песя, перестаньте, а то я сейчас уйду и перестану с вами разговаривать!

– Броша, чтобы ответить на твой вопрос… Женщина ведь думает головой, ты знаешь. Занавеска на женской половине мешает мужчинам смотреть на нас, но ведь можно в щелочку нам смотреть на них. Пусть они думают, что выбирают нас, на самом деле это мы выбираем. Мужчины тоже думают головой, беда только в том, что голов у них две и думать одновременно двумя они не в состоянии. Мадам Песя и молодая Броша засмеялись, а Двойра шла и размышляла, о каких двух головах у мужчин говорила Песя и почему нельзя думать ими одновременно.

***

С паном Шебельгутом хелмский раввин встретился случайно в придорожной корчме, когда ребе возвращался из поездки в Варшаву, где жили некоторые из его родственников. Пан Тадеуш – крупный по меркам Хелма скотопромышленник, только его свиное стадо составляло несколько сотен голов.

– О, кого я вижу! Хелмский раввин собственной персоной заглянул в корчму, чтобы полакомиться свининой, пока его не видят евреи! Пан ребе, вы можете наслаждаться вкуснейшим бигосом, я сам поставляю хрюшек в этот трактир и отвечаю – более кошерной свинины вы не найдете во всем Царстве Польском!

Раввин поморщился, не отвечая на вызовы подвыпившего

хама заказал корчмарю чай, попросив налить его в стакан, который достал из своего саквояжа.

– Но скажите мне, пан раввин, почему все-таки евреи не едят свинину? Что в ней такого, что вы не можете заставить себя проглотить хотя бы кусочек?

– Она не кошерна.

– Но почему корова кошерна, курица кошерна, а свинина нет? Почему евреи отказались от самого вкусного мяса на свете? Нежная, во рту тает! Я выращиваю свиней уже много лет и…

– Выращиваете свиней исключительно, чтобы убивать их. Наши коровы дают молоко, куры и утки дают яйца, никто не может сказать, что мы держим их только для того, чтобы убить…

– Ах, пан раввин, так вы считаете меня убийцей? Катом?! Пся крев, да как ты смеешь, пан жид, так говорить!…

***

У нормального еврея как: есть синагога, в которую он ходит постоянно, есть синагога, в которую он иногда заглядывает, есть пара синагог, в которые он ни ногой. А хасиды?! Какой цадик посетил твое местечко, такие песни ты и будешь петь, такие танцы станешь танцевать. Но ведь должен еврей кому-то задавать свои вопросы, кто-то ведь должен ставить юношей с девушками под хупу! Вот и бродят цадики

от города к городу, от села к селу по всему Царству Польскому, по окраинам империй, забредая то в Россию, то в Австро-Венгрию, стараясь попасть в местечко во время ярмарки. Приехал один такой цадик и в Хелм, проезжая то ли из Глупска в Егупец, то ли из Черновиц в Бердичев, а может быть из самого Крыжополя. Ну приехал и приехал, так он уже на третий день пришел в домик хелмского раввина.

– А скажите мне, ребе, как вы, правоверный богобоязненный еврей, можете общаться настоятелем хелмской церкви, отцом Паисием? Он ведь самый что ни на есть христианин и в своих проповедях утверждает, что у Г-да якобы был сын и проповедует прочие отступнические утверждения.

– Вы знаете, уважаемый… Если бы евреи во времена Иудейской войны меньше спорили между собой, если бы фарисеи прислушались к саддукеям, а те и другие вместе нормально разговаривали бы с иевусеями, я думаю, Храм стоял бы и доныне, а народу нашему не пришлось бы скитаться по чужбинам. Вы ведь знаете притчу про слона, которого слепые мудрецы описывали кто, как огромный лист лотоса, другой как веревку, третий как большой столб, четвертый как огромную стену… Ведь Б-г, господин наш, царь мира, един и с этим согласны не только христиане, но и мусульмане. И какая разница, зовем мы праотца нашего Авраам или Ибрагим, называем пророка Илиаху или Илья, выполняем заветы Моше, Моисея или Мусы, мне важно, чтобы евреи соблюдали его заповеди.

– Ну как же гой может соблюсти все 613 заповедей!

– А и пусть он будет гой, лишь бы соблюдал заповеди своего Иисуса и был хороший человек. А вы ни слова не сказали, ведь по воскресеньем мы встречаемся за преферансом не только с православным отцом Паисием, к нам расписать пульку присоединяется кзендз Игнаций. Если бы вы знали, как он любит играть мизер, и в каждой партии он на мизере берет 5—6 взяток! Вы предлагаете мне, чтобы я отказался от общения с таким человеком?!

Цадик молчал, совершенно не зная, что можно сказать на такое признание.

– А еще, уважаемый, немаловажно… Если бы вы хоть раз попробовали грушевое варенье, которое собственноручно варит матушка Варвара и которым угощает нас за чашкой чая, о! Да если бы вы попробовали рюмочку хреновухи, которую отец Паисий наливает нам с ксендзом за каждый мизер…

Развод

Сразу три раввина раввина Хелма собрались в синагоге, повод для общинного суда был самым грустным – Пиня Лейшман очень сильно хотел вручить гет свой жене Златке. Хотел – так вручай. Но, во-первых, Златка вовсе не собиралась забирать гет у Пинхаса, а еще во-первых, правильно составить гет – это вам не собака порылась или кот чихнул! Составить гет, документ о разводе, даже не каждый раввин сумеет, что уж там о Пине говорить, он был всего лишь успешным разъездным торговцем, колесящем по хелмской округе в своей одноконной повозке.– Послушай, Злата, может быть ты согласишься принять гет от мужа своего, Пинхаса Лейшмана? Злата стояла в синагогальной комнате в окружении всех четырех своих детей, и хоть отцом всех их был бедолага Пиня, две старшие девочки-погодки были одна беленькая, вторая рыженькая, а младшие мальчики были чернявые, при этом голова одного была усеяна кудряшками, а второй носил прямые волосики, расчесанные на прямой пробор.– Ну уж нет и нет, равы, я не соглашусь на это никогда! Он, значит, будет жить в свое удовольствие, а я…

– Женщина! Если кто и живет в свое удовольствие, так это ты! Об этом только и судачит весь Хелм, все молодые мужчины города знают, где они могут встретить приют и внимание, когда муж твой зарабатывает свой грошик тебе же и твоим

детям на еду!

– Клевета, злая клевета! Если уезжает мой Пинхас по своим делам, я сразу же начинаю горевать, плачу днями напролет, ночей не сплю, жду мужа своего в нашем уютном домике! Я просто своя не своя от горя! Так может быть кто-то и воспользовался моим состоянием…

– Раввины, я предлагаю послушать, что нам имеет сказать сосед Пинхаса Лейшмана, реб Ицхак Канторович. Златка заволновалась:

– И что вам может сказать этот пьяница?! Он же как с утра зальет глаза свои, что он может видеть?! Тоже мне, нашли свидетеля!

Перед раввинами встал реб Ицхак, но повернулся он к Златке:

– Молчи Златка, молчи! Я вовсе не собираюсь рассказывать, кто приходил к тебе, когда Пини не было дома, когда он уезжал по делам. Я просто скажу раввинам, что когда ты уехала к своей маме, а Пиня остался один – к нему никто не приходил ночью, только это я и собираюсь сказать!

Шлимазл

– Послушайте, раввин, прошу вас, послушайте мою историю! Я сам себе не могу ничего придумать, может быть вы мне что-то посоветуете, а я так больше не могу! Хелмский раввин впервые видел зашедшего к нему в синагогу молодого человека, вовсе не юношу, но и не совсем зрелого. Был незнакомец гладко выбрит, одет в неплохой костюм-тройку, а взволнован был так, словно его только что лишили наследства или богатая невеста уехала лечиться на воды с его лучшим другом.

– Раввин, я твердо решил, что больше не хочу быть евреем…

– Извините великодушно, так вы еврей? – Если меня зовут Мордехай Мошкович, если я родился в Бобруйске у папы Мордехая и мамы Хевы, кем я мог стать по-вашему, буддистом?! На восьмой день моей жизни к нам в дом пришел моэль с пейсами и отрезал мне всякую возможность спокойно жить в Российской империи. Хорошо, что у отца неплохо идут торговые дела и он смог послать меня на учебу в Германии, где живет его двоюродный брат. А у моего дяди торговля идет неплохо, но детей нет как нет, вот и прониклись дядя Меир и тетя Рахель ко мне. Ах, вы бы знали какие гешефты он проделывал с другим нашим родственником, который живет во Франции! Война уже кончилась и можно расска-

зать, что один поставлял фураж немецкой армии, а второй – французской. Деньги и зерно сновали между армиями Франции и Германии туда-сюда, словно… словно челнок у ткацкого станка и каждое движение «туда» – миллион, а «сюда» – еще миллион.

– Так я правильно понимаю, что убиваетесь вы не из-за денег?

– Ай бросьте, какие деньги, деньги у меня есть, а если не будет их у меня, так дядя мне всегда поможет сотней-другой. Ну что вы смотрите удивленно, конечно же тысяч! Но что делать, я не хочу быть евреем! Я не верю в Бога, я читал Дарвина и твердо знаю, как превращалась обезьяна. Вы только послушайте, я принял решение и тотчас снял с головы ермолку, сбрил бороду и обрезал пейсы. Этот костюм я шил у берлинского портного, в нем и приехал проведать мамеле в Бобруйск. И вот иду я вечером по родному городу, как два мазурика встречают меня и говорят, мой кошелек им, видите ли, нужнее. Пришлось отдать им не только бумажник, но и часы, я ведь слышал, как на чистом идиш один сказал другому: «Я зарежу этого фрайера не задумываясь!» Мамочку я конечно же повидал, но быстро-быстро уехал оттуда в Люблин. Иду в Люблине к себе в гостиницу, как получаю крепко по морде. И знаете почему? Этим в Люблине не понравилась, видите ли, моя «жидовская морда»! Вы знаете, ребе, я понял, что костюм, ермолка и пейсы не при чем, они не делят людей на «еврей – нееврей». Я зашел в ресто-

рацию и заказал себе изрядную порцию бигоса из свинины, а к нему пива. Бог мой, ребе, вы бы знали как после этого у меня болела печень, вейз мир! Целых две недели лучший врач в городе, его фамилия Шапиро, лечил мою печень и, кажется, до конца еще не вылечил, а может и не вылечит никогда, таких пациентов врачи не любят вылечивать. Так расскажите же мне, раввин, как мне перестать быть евреем, но так, чтобы печень моя не болела, а лицо не били?

– Послушайте, Мордехай Мошкович… вы можете креститься, перекреститься и выкреститься. Вы можете стать мусульманином и даже буддистом, но тот кусочек плоти, который вам отрезали много лет назад, тот кусочек уже не прирастет. Я знаю, как делают евреев, у нас с женой уже есть своих трое. Я сумею сделать еврея даже из негра или эскимоса. Но чего я не знаю и не сумею сделать никогда, так это из шлимазла и мишугаса сделать человека.

Мазаль

– Идиёт, какой же идиёт! Настоящий мишугинер! – Арье-Лейб ходил по комнате, заложив большие пальцы рук за жилетку, и сердито цокал зубом. Жена его, Ципора, втягивала коротко стриженую голову в плечи каждый раз, когда он проходил мимо обеденного стола, за которым она сидела в одиночестве – дети выбежали из комнаты, как только папаша начал нервничать.

– Нет, ты послушай – его старший сын из нашего Хелмского ешибота переезжает в Варшавский, за него внесена плата до конца обучения и ему же назначено специальное денежное пособие, пока он не получит место раввина. Его средний сын получил специальную телеграмму, что теперь он студент Московского Университета на факультете правоведения и будет учиться на казенный кошт, а про мундир-шмундир он может не беспокоиться и еще у него будет где поспать и что покушать. А для младшего сына этого идиёта прислали столько одежды, что половину шмуток отнесли в синагогу – раздать сироткам.

– Арье-Лейб, муж мой, про кого это вы рассказываете?

– Курица, хотя бы раз поговорила на женской половине синагоги, узнала бы новости и что-нибудь полезного для семьи! Хотя бы услышала, как надо готовить эйсик флейш, а не тот бурдель, что у тебя обычно получается!

…Арье-Лейб торговал мануфактурным товаром, вы знаете – выгодное дело! Какой женщине не требуется время от времени кусок материи, чтобы соорудить себе если не платье, так хотя бы юбку или новую блузку. И вроде бы дела у него шли неплохо, курочка на обед у него и его домашних была всегда, а вот расширить дело никак не получалось, не хватало свободного капитала. Сколько раз уже Арье-Лейб предлагал людям вступить к нему в дело компаньоном, но выслушав условия партнерства все до одного быстро покидали лавку, в которой шло обсуждение, плевались на пороге и потом старались обходить ее стороной. И вот такие новости в Хелмской синагоге – Ицик-портной получил письмо из самой Москвы, из которого узнал, что его два старших сына будут пристроены – один в ешиботе, другой в университете, а о младшем сыне позаботятся, как только у него наступит подходящий возраст. И все почему? Почему все этому голодранцу Ицхаку, который и мод-то настоящих не знает, посмотрит журнальчик из Парижа, Берлина или хотя бы Варшавы, а сошьет все тот же лапсердак или в третий раз перелицует зимнее пальто? Просто осенней дождливой ночью он открыл дверь постучавшему в неё еврею и впустил его переночевать. А жена Ицика-портного Ривка не только постелила свежее белье на кровать, забрав из нее младшего сына на родительскую постель, она ему разогрела остатки кугла, которым семья должна была позавтракать. И надо же так случиться, что этот еврей с одним потертым саквояжи-

ком, оказалось, что он ведет какие-то дела с Ротшильдами, и теми что в Вене, и с другими – в Париже, и даже Ротшильды из Лондона не стесняются написать ему письмо.

– Идиёт, мишугинер, шлимазл! Я, я вижу в нашей харчевне прилично одетого еврея, который заказал себе очень даже приличный обед, я думаю у Наместника в Варшаве не всегда бывает такой обед. Я приглашаю его к себе домой, открываю две, две! бутылки настоящего французского вина, которое я купил в прошлом году на ярмарке в Касриловке. Мы говорим с ним весь вечер про дела, обсуждая, какие гешефты мы можем делать здесь в Хелме, потом в Люблине, а затем и в Варшаве, и даже в Вене. И все так славно, так чудесно – любо-дорого! И я укладываю его спать у себя в доме в отдельной комнате на отдельном диване. А утром он просит у меня всего лишь 100 рублей взаймы, обещая выслать деньги телеграфом, как только прибудет к себе домой. Я даю деньги и я ухожу к себе в лавку, а пока меня не было дома, он пытался соблазнить мою жену! И свои 100 рублей, как и своего партнера по гешефтам я, похоже, увижу только перед самым приходом Машиаха (чтоб только Машиах к нам не торопился, а я могу его и подождать). А весь мазаль достается Ицику-портному, чтоб ему вертеться на сковородке!

Их не так жалко

Йоси Цимбал, это такой мужчина, при одном упоминании его имени у женщин в Хелме глазки заволакиваются туманом, а лица приобретают мечтательность. Йоси такой красавчик, что стоит только мужчинам города вспомнить, что живет здесь такой, как они начинают нервничать и переживать за свои жен, невест, сестер, а некоторые даже за матерей. Оставить свою жену наедине с Йоси?!Да ни за что в жизни! Деловая жизнь в Хелме полностью прекратилась бы, не помогай евреи друг другу. К примеру, едет Гирш по делам в Егупец – обязательно договорится с Лейбом или Хаимом, что те и близко не подпустят Йоси к его дому. Случалось, конечно, что после такой поездки жена чернявого Гирша рожала рыжего, как Лейб, сыночка или девочку с такой же родинкой на попе, какую видели у Хаима, когда он мылился в бане. В коротких словах, Йоси был из тех мужчин, про которых рассказывают, что он даже днем может переночевать с женщиной. Такой, понимаете молодец, что если он переспит с русской или полькой, так они останутся довольны. Ну а как девушкам и женщинам, а особенно вдовам, не вздыхать при виде Йоси или вспомнив о нем в разговоре или разглядев его во сне? И никакой особенно красоты или там красивой походки – две руки, две ноги и голова. По мнению всех мужчин Хелма, евреев и гоев, так Йоси вообще урод.

Но Йоси умел настроить и пианино, и скрипку, да хоть бы и самый расстроенный рояль! И что прикажете делать, если супруга или дочка требуют, чтобы пианино было настроено и слышать не хотят ни о каком другом мастере, да хоть бы из самой Варшавы! Приглашай Йоси и больше никого. А если скажешь нет, так у нее мигрени будут до тех пор, пока Йоси не придет и не настроит инструмент. И вот Йоси настраивает пианино, подкручивая струны туда-сюда. Хозяйка, ясное дело, хлопочет накрыть столик для чая, тут тебе и бутерброды, и пирожки и даже пара пирожных из кафе пани Рогальской. А хозяин бросив все дела в своем магазинчике или в конторе готовит бутылочку спотыкача или даже шустовского, проклиная и пианино, и Йоси со всеми настройщиками, и всю музыку сразу со всеми ее композиторами, нотами и скрипачами. Ну, слухи слухами, тревоги тревогами, а ведь никто Йоси не ловил, как говорится, «на горячем». Мало ли кто что скажет, а чтобы Йоси вытаскивали из шкафа в чужой спальне или из-под супружеской кровати – такого не было. Ну как же так, тревожились мужья и особенно отцы! Ведь вот же, Йоси крутил винты в пианино и кушал бутерброд с форшмаком, а жена или дочка готовы были повиснуть прямо у него на шее, сомкнув на йосином затылке кольцо рук… А когда, настроив пианино или скрипку, Йоси начинал играть на инструменте – самая добропорядочная хозяйка готова была выпрыгнуть из платья и остаться с Йосей наедине. И что интересно, мигрень у дам не проходила немед-

ленно с Йосиным появлением в доме. А часто, если мигрени в доме не было, так она появлялась вместе с ним, что ты тут скажешь?! А появилась в доме мигрень – зови доктора Пальчика, плати ему гонорар и не меньше трех дней, а лучше неделю и близко не подходи к жене. Надо сказать правду – в домах у евреев Йоси редко приходилось настраивать пианино, все больше у русских или у поляков. Мужчин хелмской синагоги это очень радовало, им было мало дела до их русских и польских собратьев. Но ведь ни одна еврейская свадьба не обходилась без йосиной скрипки! И опять Йоси играл, души женщин улетали вслед за его мелодией, а мужчины мрачнели и мрачнели, наблюдая все это. Были, конечно, среди евреев йосины поклонники, такие же бездельники, как и он сам – за душой только пара грошей, чтобы прожить сегодняшний день и может быть завтрашний. Все до одного холостяки и ламидники.– Йоси, скажи нам, признайся, ты ведь знаешь какой-то секрет, почему бабы тебя так любят? А Йоси знай, отшучивается:

– Я умею поцеловать им пупок!

– Что за чепуха?! Любой может поцеловать пупок, что тут такого…

– Да что ты говоришь, любой! Я могу поцеловать им пупок изнутри!

– ?!

– Йоси, все знают, что ты великий женолюб, такой охочий до женщин и все такое. Но ведь тебя не видят с еврейками,

все время ты с польками или с русскими дамами.

– Так у евреек ведь все время болит голова, или они заняты по хозяйству, или они готовили обед и от них так пахнет чесноком и луком.

– А что, скажем, польки – у них не болит голова?

– Болит. Но их как-то меньше жалко!

Академики в Хелме

Известные мудрецы города легко составили миньян и покончив с молитвой сели перекусить чем бог послал – выпить чаю с сухариками. Чтобы высказывать глубокие мысли им совсем не нужна была водка, они обходились даже без пива, тем более, что их жены предусмотрительно проверяли карманы – не завалялся ли в них случайно грошик. Грошик в карманах мудрецов мог заваляться только случайно, случись такое, они удивились бы, пожалуй, сильнее своих жен.

– Мы должны организовать в Хелме Академию, – сказал Арье-Лейб и все удивились, Арье-Лейб говорил очень редко.

– Какую академию-шмакадемию? – Мендл-Мотл, наоборот, говорил так часто и много, что слушатели его уставали раньше, чем им удавалось понять, о чем, собственно, он ведет речь.

– Академию вроде той, что существовала в Пумбидете, о которой часто рассказывает раввин. Ну та, где амораи, таннаи. Или вроде академии каббалистов в Цфате, рабби и о ней часто рассказывает.

– Слушайте, Арье-Лейб, а где мы вам найдем амораев и таннаев?

– Значит, где мы найдем каббалистов вас НЕ интересует? За каббалистов вы спокойны? Не волновайтесь, реб Дворкин, разве мы, хелмцы, не сможем стать амораяммми, а если

придется, то и таннаями? Да хотя бы и гаонами!

– Послушайте, у меня во дворе стоит пустой сарай. Раньше там лежал всякий хлам, но постепенно старьевщики освободили мой сарай, они давали мне когда копейку, а когда целый грош и уносили оттуда что-нибудь. И вот теперь сарай стоит совершенно пустой.

– При чем тут ваш сарай, реб Шлёмо? Академия в Хелме и какой-то сарай!

– Вы не понимаете, Арье-Лейб! Если там подмести и убрать паутину – этот сарай и станет Академией! Ведь должны мы, гаоны и прочие амораи где-то собираться, чтобы думать умные мысли! – Шлёмо обиженно надул свои толстые губы.

– Да, Шлёмчик, да! Как же я не подумал об этом! Завтра шабес, но все равно, мы наймем шабес-гоя, чтобы он все там привел в порядок в этом вашем сарае.

– А у меня в доме есть пустая кладовка. Я только заставлю свой Брошу вытащить оттуда кадку с кислой капустой и кладовка будет пустая.

– Зачем Академии нужна ваша кладовка, реб Додик Вольфсон?! Я представляю, как в ней воняет кислой капустой!

– Во-первых, глава Академии должен иметь свою отдельную комнату, где он отдельно от всех других будет думать отдельные умные мысли и даже записывать их. Во-вторых, когда к нам приедет глава академии из Цфата, он должен бу-

дет где-то спать? Не положу ведь я его в кровать к своему сыну? Мальчику уже тринадцать лет, а он до сих пор писается! И что, еврей из Цфата должен будет просыпаться мокрым каждое утро?! Извините!

– Реб Вольфсон, вы только что устыдили всех нас и доказали, что достойны быть академиком в Хелме! Но какие вопросы, а лучше сказать – какой вопрос мы будем обсуждать в Академии? Арье-Лейб отхлебнул из своей чашки остывший чай и попытался перекусить черный сухарь.

– Я давно думаю… У нас сейчас 4731-й год от Сотворения мира. А правильно ли он высчитан, этот год? И с какого дня следует считать Сотворение – когда Б-г создал твердь, когда отделил Свет от Тьмы или когда создал Адама? Барух а-шем, элохейну… – И весь миньян повторил за ним: «Барух а-шем, элохейну, мелех а-олам…»

– Реб Арье-Лейб, это достойная тема для обсуждения! Ученики со всего света съедутся к нам, чтобы принять участие в обсуждении этого вопроса! Осталось только решить, где взять нам денег, чтобы только начать. Потом, я уверен, пожертвования и плата за учеников, деньги потекут к нам рекой. Но начать, надо как можно скорее начать! – Я думаю, что мы обратимся к барону Ротшильду и он нам не откажет. Потом мы напишем письма в Египец, Москву и даже в сам Петербург…

– Пишите письмо царю-императору, а лучше к обер-прокурору Синода… – евреи не заметили, как в комнату, где

собрался миньян и обсуждалось будущее Академии вошел хелмский раввин.

– Почему, рабби? Неужели вы думаете… – Я просто уверен, они обязательно поддержат вашу идею, ведь чем глупее евреи, им только лучше и радостнее. Обязательно поддержат, как не поддержать таких мишугасов, как вы! И не надо писать барону – зачем ему знать, что в нашем Хелме есть дураков!

Отдай деньги, Аарон!

Пришли в синагогу к хелмскому раввину три незнакомых еврея и стали печалиться да жаловаться. Известно ведь, когда еврей скорбит, он должен шуметь так, чтобы слышал его весь город. А тут сразу трое рассказывают, плачут, пытаются трясти друг друга за бороды – никого из них расслышать за воплями других невозможно, а уж про понять их и говорить нечего. Сам раввин человек мягкого характера, муху самостоятельно убить не может, всегда об этом жену свою просит или кто там рядом окажется, а уж остановить это безобразие и нечего думать. Вовремя зашел в синагогу хелмский шойхет, надо было показать ребе новый нож для птицы – не слишком ли короткий, а тут такой гевалт.

– Ну-ка, все трое замолчали, пока взашей не вытолкал! – и сразу такая тишина, раввин просто душой начал отдыхать и удовольствие получил, что его барабанные перепонки перестали болеть.

– Как вас зовут, – спросил раввин, – только прошу вас, говорите по-одному, не все трое сразу!

– Меня зовут Аарон, – начал самый старших по виду, это вот Борух Цейтлин, а справа от меня стоит Ёшка Малкин. Возвращаемся мы к себе домой под Вильно, идем с заработков, два месяца работали мы на винном заводе у пана Канторовского, делали там кошерное вино. Получили расчет и то-

ропимся к семьям. Деньги мы сложили в один кисет и решили разделить их, когда уже будем дома. Так что вы думаете! Сегодня ночью все деньги и что интересно, вместе с кисетом, пропали! А ведь мы ночевали в чистом поле, нашли там стог сена и ночевали. Если бы вы знали, как дорого берут с постояльцев хозяева постоялых дворов! Нет, это просто немыслимо, как дорого…

– Вы хочете рассказать мне про постоялых дворов и харчевен или все-таки скажете, что случилось? – Да, ребе, конечно. Как обычно, перед тем как уже спать, мы все трое прячем деньги. Знаете, ночь, поле… мало ли что? И все трое запоминаем, в каком месте мы его закопали.

– Ребе, утром денег там не оказалось, и что интересно – вместе с кисетом! – Аарона перебил маленький Ёшка, – как вам понравится – в этот кисет еще мой тесть насыпал табаку и получается, что у меня его тоже украли?!

– Да от меня вы что хотите? – спросил евреев хелмский раввин.– Уж не думаете ли вы, шлимазлы, что раввин сможет возместить вам украденное? Или что вы сможете получить хоть сколько-то из общинных денег? И думать забудьте! Борух Цейтлин, самый высокий из троих, кажется он молчал, когда те двое других кричали, будто их грабят уже второй раз подряд, вступил в разговор:

– Ясно же, что деньки и этот кисет от тестя взял кто-то из троих. Я не брал, но и эти двое говорят «Не брал!» Но кто-то ведь взял? Вот мы и пришли к тебе, ребе, чтобы ты опре-

делил, кто из троих вор, а уж я потом позабочусь, чтобы домой в Вильно он пришел хромым.

Задумался раввин. Потом поговорил о чем-то с каждым отдельно, с Аароном, Борухом и Ёштой. Потом собрал всех вместе, шойхет словно забыл о своих делах, он внимательно наблюдал за происходящим, пытался давать раввину какие-то советы, но главной его целью было – рассказать потом всему Хелму, как раввин решил такую трудную задачу, а может быть раввину это и не удастся? Тогда какая удача ждет шойхета – раввину не удалось решить загадку, а ведь он, шойхет, столько хорошего ему советовал!

– Жила была девушка и пообещала она выйти замуж за хорошего юношу, – раввин начал свою речь издалека, – твердо ему пообещала, поклялась Но родители сосватали ее за другого и не могла она пойти против воли родителей. Но перед тем, как ступить под хупу, попросила она своего жениха разрешения встретиться с тем юношей. А юношу просила освободить ее от клятвы, хоть бы и за большие деньги, она готова была целый рубль серебром отдать ему, лишь бы совесть ее потом не мучила. А первый юноша оказался благородным человеком – и от слова ее освободил, и рубль не взял. У него к этому времени уже другая невеста была и он сам тяготился полученной ранее клятвой. Ребе продолжал, отпив из стакана чай, который ему принес шамес синагоги:

– Стояли молодые под хупой, подписали молодые ктубу и не ложась в супружескую кровать поехали на родину же-

ниха, кажется, в Вильно, как и вы. А по пути им встретились разбойники. Так те их не только ограбили, атаман захотел воспользоваться телом молодой жены, которая и женой-то еще не пробовала быть. Но взмолилась к нему женщина и попросила оставить ей невинность для мужа. И так горячи были ее слова, а может быть вовремя в разбойничий стан прибыла жена атамана, но отпустили их с мужем разбойники и даже деньги вернули, хотя какие там у них были деньги! Аарон прервал рассказ раввина:

– И ты рассказываешь нам эту старую хохму царя Шломо?! Ты тоже хочешь, чтобы мы сказали тебе, кто из троих: женщина, ее новый муж или атаман поступили благородней всех? И скажешь нам, что тот, кто говорит только о деньгах и хвалит атамана, тот и взял наши общие деньги и кисет от Ёшкиного тестя?!

– Нет, Аарон, я предлагаю тебе отдать деньги, а взамен буду сильно просить Боруха, чтобы не делал он тебя хромым калекой. Я поговорил с вами тремя, с каждым отдельно. Борух спал и храпел так сильно, что Ёшка всю ночь ворочался и не мог уснуть. А ты сказал, что была такая тихая ночь, что ты спал как убитый. Как это могло быть, что двое говорят одно, а ты совсем другое? Отдай деньги, Аарон, Борух очень хочет сделать тебя хромым хотя бы до Вильно, а силы в нем столько, что ты сможешь хромать всю оставшуюся жизнь!

Неправильные деньги

В Хелме наступил вечер буднего дня, все, творившие вечернюю молитву «Маарив» евреи из синагоги разошлись по домам. Раввин с большим удовольствием думал о большом кусочке запеченого карпа, о маленьком кусочке селедки, об огромной кружке горячего чая, которые жена за ужином поставит перед ним на стол. И все-таки пришлось задержаться в синагоге, незнакомый мужчина, одетый как гой, попросил выслушать его.

– Пан раввин, скажите мне, бог ведь один у евреев и у католиков?

– Несомненно. И даже у мусульман, у православных и атеистов единый Б-г. Пан может верить в него или не верить, обращаться к нему с молитвой на любом языке, дома или в храме – он поймет и услышит. Другой вопрос, сделает он что-то по просьбе пана, к нему так часто обращаются с просьбами…

– Спасибо, пан раввин, а скажите мне, вы можете принять пожертвование для Бога от человека, который не-еврей?

– Так ведь Б-г не нуждается ни в чьих пожертвованиях, у него все есть, Он сам дает или отнимает, все в мире творится по Его воле. Я могу принять пожертвования, чтобы только совершить что-то угодное ему. Скажем, помочь сироте или вдове. А почему пан задает такой вопрос, мне очень

любопытно.– Дело в том, пан раввин, что я хотел бы пожертвовать деньги, много денег, почти все, что у меня есть, это несколько тысяч рублей…

– И почему пан не может пожертвовать в костел или в церковь и вам понадобилась для этого синагога? Ведь пан не еврей?

– Я не буду обманывать пана раввина в таком деле, ксендз Михал Заглоба отказался взять эти деньги, отец Пантелеймон сказал, что не может их взять. Я ведь бандит, грабитель, обманщик, они сказали – не могут они принять дар от такого человека! Пан раввин, прошу вас, примите от меня деньги, мне все равно – на бога, на сирот, на любое доброе дело, облегчите мне душу! Я уже столько времени не могу уснуть, каждую ночь какой-то голос в голове говорит мне: «Пожертвуй, покайся!» Пан Михал исповедовал меня, я каюсь, каюсь, а голос говорит: «Покаялся – пожертвуй», а ксендз не берет деньги! Говорит, что эти деньги плохие и он не может их взять для бога!

В синагоге установилось молчание, хелмский раввин погрузился в раздумья.

– Пан видит вон тот ящик для пожертвований? Если деньги с вами…

– Со мной, со мной, пан раввин!

– … если деньги с вами, положите их в тот ящик.

– Скажите мне, ребе, почему вы разрешили тому гою положить деньги в ящик для пожертвования? – раввин расска-

зал об этом происшествии хелмскому меламеду на следующий день.

– А если это и на самом деле был бандит?

– Послушайте, реб Шмуэль, если вы сможете деньги из этого ящика разделить на правильные и неправильные – сделайте это! Я разрешу вам выбросить все «неправильные» деньги. Но я потребую, чтобы ни один «правильный» грош не пропал из ящика. Пока какой-то рубль был в кошельке у, скажем, купца, он был правильный. Потом этого купца ограбил этот бандит и рубль стал неправильным. Теперь на этот рубль я смогу купить ботинки для осиротевшего недавно Мотла, скажите, это будут правильные ботинки или пусть Мотл бегает зимой к вам в хедер босиком?

Мусульмане в Хелме

Вы ведь понимаете, что «академики» Хелма каждое утро и каждый вечер собирались, чтобы вместе прочитать и «Шма», и «Восемнадцать», и совершить все, что обязан совершить праведный богобоязненный еврей? После молитвы или чтения субботней главы Торы они не сразу расходились по домам – им так много надо было обсудить, о столь многом посоветоваться друг с другом. А что дома? Сопливые дети и вечно спрашивающие «Где деньги» жены и тещи, да тарелка пустого супа или кугл без капли масла. (И как только жена не умеет приготовить вкусно и обильно? Может быть, если ей дать немного денег, она сумеет сварить вкусный ужин, но академики ни разу не проверили эту идею.)

– Евреи, мы уже почти создали у нас в Хелме Академию по образцу Академии в Пумбедите. Но мы не должны останавливаться на достигнутом, мы должны сделать наш красивый Хелм прекрасным и великим городом, подобным Иерушалаиму!

– Арье-Лейб, скажите, вы хотете построить в Хелме Храм? Или вы решили, что наши дома, как в Иерушаиме надо обложить песчаником?

– Реб Дворкин, я заметил, что в Хелме нет ни одного мусульманина, тогда как в Иерушаламе их есть! Евреи, ошарашенные, молчали, с трудом переваривая великую мысль реб

Арье-Лейба.

– Но зачем нам в Хелме мусульманин?! И главное, где нам его найти, если во всем воеводстве их нет ни одного? – робко задал вопрос Мендл-Мотл, вопрос, который читался в глазах каждого из собравшихся.

– Есть в Иерушаиме – значит, должен быть и в Хелме! – Арье-Лейб был категоричен и непререкаем. А поскольку их таки нет, кто-то из нас, то есть кто-то из вас должен стать мусульманином. Вот тут собравшиеся евреи глухо зароптали:

– Почему кто-то из нас?! Если это на самом деле необходимо, пусть мусульманином станет кто-нибудь из гоев.

– Евреи, завтра мы вместе будем в бане, не удивляйтесь, когда у меня на …у меня ниже спины вы увидите большой синяк. Мне трудно сидеть в моем кресле здесь в синагоге, дома я второй день не присаживаюсь за стол, ем стоя, как осел. И все почему? Я пришел к нашему хелмскому шабес-гою Степану и предложил ему перейти в магометанство. Так этот негодяй взял меня за шиворот, повернул к себе спиной и пнул своим сапожищем по… прямо пониже спины! Я решил, что такой большой мусульманин, такой высокий и здоровый, как Степан, Хелму не нужен. Я встретился с маленьким и худым Юликом Матецким, вы знаете этого юркого разносчика из лавки Вышневецкого? Так что вы думаете?! Он попросил меня подождать полчасика и я таки ждал его, мало ли какая большая или маленькая нужда может настигнуть человека? Я дождался, через полчаса этот Матец-

кий пришел со Степаном и снова верзила Степан взял меня за шиворот, повернул к себе спиной… Евреи, если бы вы только знали, как это больно, когда тебе попадают сапогом в одно и то же место дважды подряд! Нет, я не хочу, чтобы мусульманином в Хелме становился кто-нибудь из гоев.

– Реб Арье-Лейб, но тогда может быть вы сами?

– Реб Дворкин, я давно замечал, что вы метите стать главой Академии, но чтобы вы вот так открыто высказали свое намерение! Все ведь понимают, что главный академик Хелма не может перейти в мусульманство, это было бы так наперекор Талмуду, против Мишны, Гемары и даже Галахи! Я удивляюсь на вас, реб Дворкин и я возмущен!

Молчание евреев затягивалось. Каждый думал «А может быть сейчас кто-то поднимется и я не буду искать причин, почему я не могу этого сделать», и каждый думал «Если даже я соглашусь, как я объясню это своей Малке (Двосе, Сарочке)?», и каждый думал «А что скажут мои тесть и теща, что станет с моими детьми, они станут евреи у отца мусульманина?», и каждый сердился «И надо было этому Арье придумать такое, когда дома меня ждет тарелка великолепного супа и пирог со сливовым вареньем, наверное, уже готов и остывает!»

– Евреи, подумайте! Вы только подумайте! Тот, кто станет мусульманином, сможет совершить хадж в Мекку, а когда он поедет в Мекку, он сможет сделать небольшой крюк и увидеть город Давида и Соломона!«Были бы деньги, я и сейчас

мог бы увидеть город и Соломона, и Давида,» – думал про себя каждый, – «а где возьмутся деньги на хадж и на что мне та Мекка!»

Арье-Лейб продолжал с воодушевлением:

– Подумайте, евреи! Каждый мусульманин может жениться четыре раза! Подумайте – четыре раза и для этого не надо разводиться с предыдущей женой!«Четыре тещи, четыре тестя… а сколько остальных родственников?! Это же страшно подумать!», – мысленно возражал каждый. Только Шлёмчик, самый молодой из собравшихся поелозил на своем месте, но тяжело вздохнув, успокоился. Все знали крутой нрав и тяжелую руку Цили, жены реб Шлёмо и сочувственно посмотрели на него.

– И еще, евреи, подумайте! Вы таки не попробуете свинину, которая мусульманам запрещена, как и нам. Но вы сможете положить ложку сметаны, даже две в кастрюлю, где тушится говядина, и сможете полить ваши крепелах с говяжим фаршем той же сметаной или выпить стакан молока после того, как съедите эйсик-флейш! Что-то в словах реб Арье-Лейба заставило евреев оживиться.«А ведь что-то есть в этом!» – подумал Додик Вольфсон.«Может быть надо – значит надо?!» – решал тяжелую задачу Шлёмо. И только реб Дворкин решился:

– Я патриот Хелма! И если это надо для города и для нашей общины… Но свинину я все равно кушать не буду, мне не понравилось. Так печенка болела…

Шадхен Шлёма

Шлёма наконец-то пристроился, наконец он начал приносить копейку в дом, счастье-то какое! Жена Шлёмика места не находила от радости: мамеле и папа Рахили первыми узнали радостную новость, потом Рахиль бегала по соседкам. кому-то отдавая пару яиц, занятую еще год назад, у кого-то просила щепотку соли «кинулась готовить куриный бульон с манделах, а соли нет, а в лавку бежать некогда – скоро Шлёма придет покушать». Так соли, что Рахиль выпросила у соседок-подружки набралось на солидный такой мешочек и все в Хелме знали, что Шлёма приносит домой хорошую копейку. Трое детей Шлёмы и Рахили наконец-то покушали досыта, и не черного хлеба, Рахиль теперь пекла и манделброт и коврижку, в ее куглах появилось масло, а в субботний чолнт она всегда закладывала мясо и по одному куриному яичку для каждого. А как гордо Рахиль заглядывала в лавочку, где купила для себя красивые ажурные перчатки, в которых не стыдно прогуляться ни в синагогу, ни в городской парк, она купила парасоль – как можно прогуливаться в летний день по берегу реки без зонтика? Она… она уже собиралась купить девочкам новые платьица, мужу цепочку для часов (вы не скажете, зачем еврею цепочка для часов, если часов у него будет не скоро?) А что за работа? Шлёмо стал сватом. «У вас товар, у нас купец, честным рядком, да за сва-

дебку». Шальные деньги? Не скажите! Семь потов сойдет, пока найдешь приличных жениха и невесту, да чтобы родители согласились, да пока согласуешь брачный контракт, вы не знаете, что за мода пошла у невест выходить замуж без приданного? А женихи – каждому подай красивую и чтоб на пианино играла! Ну, то все есть глупство, а что не глупство – так это то, что Шлёмо стал часто ездить «в командировки». Вы подумали, что Шлёмо открыл свое дело? Так вы напрасно так подумали. Его взяла к себе в дело опытная сваха Цецилия Соловейчик. Вы подумайте, имея почти семь пудов живого веса и четыре подбородка, легко ли метаться из Глупская в Егупец, из Касриловки в Бердичев, из Бобруйска в Черновцы? Так пусть теперь разъезжает с Цилиными поручениями Шлёмо, а Циле и восьмой пуд веса будет родным и не лишним. Ой, как плакала Рахиль первое время, когда Шлёмчик отправлялся в поездку – сердце обрывалось! Обрыдается вся. А что делать? Мальчику ботиночки, девочкам по капору, самой Рахили нужны новые пантолончики, ридикюль продается симпатичный в лавке у Лазаря, шляпка с пером нужна? Обязательно. А брошь на выходное платье? Разве может быть выходное платье без броши? Вот и ждет Рахиль мужа домой, возносит молитвы, чтобы родители жениха большого приданого не требовали, да чтоб родители невесты были посговорчивее, да чтобы пани Соловейчик повысила Шлёмчику процент за удачную сделку, что ей, жалко, что ли?!Возвращается как-то Шлёмо из поездки, приехал

в Хелм рано утром – домой часам к шести утра будет. Устал, конечно, кто не устанет разговаривать с будущими сватами сутками напролет! Возвращается Шлёмо домой, мечтая «Кусочек картофельной запеканки, селедка и сладкий чай!» И ведь смотри ты – все готово и уже стоит на столе: самовар только что вскипел, чай заварен, почти свежий хлеб и форшмак и связка бубликов. Удачно как Рахиль все приготовила, потому что за столом сидит гость – Арье-Лейб и не приходится краснеть, что гостю даже бутерброд не с чем предложить. Жарко, распарился Арье-Лейб от горячего чая, снял лапсердак, разулся, голыми пальцами ног шевелит – разминает. Наверняка, щеголь такой, узкие туфли жмут, ступни немеют. Поперхнулся Арье-Лейб чаем, когда Шлёмо зашел в дом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.